—2—

Боткин (Василий)

ПИСЬМА ОБЪ ИСПАНІИ.

II (*).

Мадритъ. Іюль.

Я все еще въ Мадритѣ, несмотря на его удушающіе жары и знойный воздухъ, несмотря на его безпрестанные смуты. Чѣмъ больше всматриваюсь здѣсь въ людей и событія, тѣмъ больше убѣждаюсь, что для сужденія объ Испаніи и волнующихъ ее смутахъ должно прежде всего отложить въ сторону всякое сравненіе ея съ Европою. Обще-европейская точка зрѣнія, приложенная къ Испаніи, можетъ вести только къ ложному о ней понятію. — Развѣ Европа несчитала Испанію страною самыхъ прочныхъ монархическихъ учрежденій, развѣ она несчитала народъ испанскій типомъ самой щекотливой и обидчивой національности? — А этотъ народъ съ совершеннѣйшимъ хладнокровіемъ смотрѣлъ, какъ Фердинандъ, лишивъ инфанта Д. Карлоса законнаго наслѣдственнаго престола Испаніи, отказалъ его иностранкѣ, Маріи Христинѣ, равнодушно смотрѣлъ, какъ испанскій инфантъ бродилъ скитальцемъ въ горахъ Наварры! Европа считала Испанію страною самою католическою въ мірѣ, а испанскій народъ рѣзалъ или по-крайней-мѣрѣ далъ рѣзать своихъ монаховъ, далъ свѣтской власти обобрать свои церкви и монастыри и наконецъ съ тѣмъ же равнодушіемъ смотрѣлъ, какъ уничтожили его монастыри, и нисколько нетревожится тѣмъ, что уже лѣтъ десять папа прекратилъ всѣ духовныя сношенія съ Испаніею. Право, страна эта — живая загадка, для которой Европа до сихъ поръ никакъ неможетъ

(*) См. Современникъ 1847 года, № 4, Отд. II, стр. 32.

найти разрѣшенія. Брошенная въ революцію, она движется въ ней безъ всякаго энтузіазма, безъ охоты, какъ раба высшихъ инстинктовъ, которые насильно стремятъ ее къ совершенію судебъ своихъ. Но какія это судьбы? Испанія сама незнаетъ ихъ. Она идетъ, незная куда приведетъ ее дорога ея, идетъ безъ опредѣленной цѣли, безъ всякаго плана и въ совершенномъ незнаніи о завтрашнемъ днѣ. Никогда Европѣ непредставлялось еще такого зрѣлища!

Если насчетъ Испаніи такъ часто ошибаются и если такъ трудно неошибиться на счетъ ея, не оттого ли это, что на Испанію смотрятъ не изъ нея самой, не изъ ея собственной исторіи, а изъ общей исторіи Европы, тогда какъ при наружности, почти совершенно сходной со всѣми неограниченными монархіями, Испанія на самомъ дѣлѣ имѣла историческое развитіе совершенно различное отъ остальной Европы; кромѣ того элементы, изъ которыхъ сложилось испанское общество, и по началу своему и по направленіямъ, совершенно различны отъ тѣхъ, которые лежатъ въ основѣ прочихъ европейскихъ государствъ. Посмотрите, напримѣръ, на положеніе и значеніе дворянства испанскаго? Во Франціи – странѣ равенства, народъ враждебно смотритъ на дворянство и аристократію; въ Испаніи, гдѣ чувство равенства гораздо сильнѣе, аристократія нетолько невозбуждаетъ противъ себя ни ненависти, ни зависти, но пользуется въ народѣ уваженіемъ. Мнѣ кажется это обстоятельство довольно любопытнымъ, и я, имѣя теперь подъ рукою нѣкоторые матеріялы, хочу воспользоваться ими, чтобъ поговорить съ вами о дворянствѣ въ Испаніи и объ отношеніи его къ народу. Мнѣ кажется, что уяснивъ себѣ эти отношенія, мы будемъ лучше понимать современныя событія Испаніи и еще болѣе извинимъ народъ ея за его равнодушіе къ нимъ.

Послѣ паденія римской имперіи (простите, что я начинаю такъ издалека) вся Европа была завоевана и занята варварами; племя побѣдившее и племя побѣжденное поселились на одной и той же землѣ, одни какъ властители, другіе какъ вассалы. Вѣдь исторія Франціи и Англіи есть не-что другое, какъ постепенное освобожденіе племени завоеваннаго. Казалось бы, что французская революція, провозгласивъ политическое, гражданское и религіозное равенства, должна была заглушить самое воспоминаніе о прежней взаимной борьбѣ и ненависти; но такова глубина этой ненависти, что она пережила даже и самую причину ссоры. До сихъ поръ случается во Франціи слышать возгласы на аристократію; и какъ ни безсмысленны, какъ ни пусты эти возгласы, они еще пробуждаютъ въ народѣ смутное раздраженіе. Знать, воспоминаніе вѣковъ неизглаживается въ одинъ день! Но оставимъ эту простительную щекотливость молодого общества и обратимся къ Испаніи.

Въ Испаніи ненайдете вы ничего подобнаго; здѣсь дворянинъ негордъ и неспѣсивъ, простолюдинъ къ нему независтливъ; между ними одно только различіе — богатство, и нѣтъ никакого другого. Здѣсь между сословіями царствуютъ совершенное равенство тона и самая деликатная короткость обращенія. И нетолько гражданинъ, но мужикъ, чернорабочій, водоносъ обращаются съ дворяниномъ совершенно на равной ногѣ. Если имъ открытъ входъ въ домъ испанскаго гранда, они пойдутъ туда, придутъ, сядутъ и говорятъ съ своимъ благороднымъ хозяиномъ въ тонѣ совершеннѣйшаго равенства. Причина такихъ удивительныхъ для насъ отношеній должна заключаться въ самой исторіи Испаніи, и именно въ томъ, что въ Испаніи никогда небыло плебейства, простонародья, что испанскій мужикъ непринадлежитъ къ племени завоеванному, а дворяне къ племени завоевательному. Новая Испанія началась съ изгнанія мавровъ; только съ этого времени здѣсь ведутъ свое начало права на владѣніе землею. – Но самое это изгнаніе показываетъ, что въ Испаніи остались одни только побѣдители. Вамъ извѣстно, какъ послѣ завоеванія маврами всей Испаніи горсть смѣлыхъ и непреклонныхъ людей, укрѣпившихся въ горахъ Астуріи, сдѣлалась впослѣдствіи спасителемъ и знаменосцемъ національной независимости. По мѣрѣ того, какъ силы ихъ увеличивались, завоевали они постепенно провинціи Леонъ, Кастилью, Арагонъ, оттѣсняя мавровъ далѣе и далѣе, и наконецъ взятіе Гренады уничтожило политическое значеніе мавровъ въ Испаніи. Тогда духовенство принялось истреблять самые слѣды исламизма. Инквизиція приняла побѣжденныхъ арабовъ въ свое вѣдомство, предавала ихъ пыткамъ, принуждала отказываться отъ своей одежды, языка, наконецъ изгнала ихъ всѣхъ изъ Испаніи. Быть низкаго происхожденія, по понятіямъ Испанца, значило имѣть въ своихъ жилахъ кровь арабскую, кровь племени вдвойнѣ презираемаго, какъ невѣрное и какъ побѣжденное. По той же самой причинѣ дворянство Испанца состоитъ прежде всего въ томъ, чтобъ быть стариннымъ христіяниномъ; и это одно достоинство стариннаго христіянина, — если его считаетъ за своимъ родомъ самый послѣдній носильщикъ, онъ гордится имъ, и въ глазахъ его оно равняетъ его съ самыми важными лицами въ государствѣ. Между здѣшними *aguadores* (водоносцами), которые всѣ почти изъ Астуріи, много дворянъ; они знаютъ это и величаются своимъ происхожденіемъ. *Jo soy mejor que ti amo* (я больше дворянинъ, я благороднѣе моего хозяина), говоритъ *aguador*, принявъ гордый видъ и держа свое ведро воды на плечѣ. И дѣйствительно, самыя старыя и благородныя фамиліи стараются отыскивать начало своихъ родовъ преимущественно въ Астуріи. А такъ какъ въ прочихъ провинціяхъ всѣ равно участвовали въ

изгнаніи арабовъ, то всякой гордится на свой манеръ и всѣ обращаются между собой на равной ногѣ, потому-что, повторяю, самое великое и главное событіе испанской исторіи есть борьба противъ исламизма; отъ нея ведутъ начало свое и собственность и дворянство, и только изъ нея можно объяснить политическое могущество духовенства въ Испаніи и огромныя владѣнія дворянства.

Причина того всеобщаго уваженія, которымъ всегда пользовалось въ народѣ дворянство, заключалась въ томъ, что предки его были первоначальными освободителями Испаніи отъ ига арабовъ. Тогда какъ народъ занимался земледѣліемъ, дворянство билось съ невѣрными и расширяло границы испанскаго христіянства. Отсюда происходитъ почтеніе, оказываемое ему народомъ, но опять въ этомъ почтеніи небыло ничего подданническаго, именно потому, что между дворяниномъ и самымъ послѣднимъ мужикомъ здѣсь нележала бездна завоеванія, какъ въ остальной Европѣ, а только одна различная степень дѣятельности и храбрости. Теперь нѣсколько словъ о владѣніяхъ дворянства.

Короли Кастильи и Арагона обыкновенно награждали за услуги, оказанныя имъ въ войнахъ противъ арабовъ, частью завоеванныхъ земель. Иногда эти маленькіе владѣтели, имѣя деньги, прикупали себѣ новые участки; случалось также, что иной *caballero* строилъ себѣ крѣпость вблизи арабской границы и держался въ ней съ своимъ гарнизономъ; крестьяне приходили селиться подъ защитою крѣпости, и когда испанская граница распространялась дальше, владѣтель крѣпости естественно становился и владѣтелемъ земли, которую онъ долго покровительствовалъ и защищалъ отъ нападеній арабовъ. Такимъ образомъ владѣнія дворянства въ источникѣ своемъ, какъ видите, ничего неимѣли ненавистнаго для народа. Духовенство, проповѣдуя истинную вѣру, и дворянство, защищая ее мечомъ, естественно должны были собрать всѣ лучшіе плоды побѣды надъ невѣрными, побѣды, которая была вмѣстѣ и національной и религіозной. Кромѣ того майоратство, учрежденіе чисто феодальное, безпрестанно сосредоточивало и безъ того значительныя владѣнія въ однихъ лицахъ, которые чрезъ это становились по могуществу своему почти независимыми отъ короля, — такъ-что теперь, при всемъ своемъ жалкомъ состояніи, при всей раззоренности своей, дворянство испанское, послѣ уничтоженія монастырей и конфискаціи ихъ имѣній, составляетъ въ Испаніи классъ самыхъ большихъ владѣтелей и имѣетъ въ своихъ рукахъ самыя лучшія земли.

Но по этой же самой причинѣ, по феодальной значительности своей, дворянство испанское никогда небыло въ милости у королей. Во многихъ случаяхъ, когда тяжкія войны истощали денежныя сред-

ства королей, они принимались повѣрять дарственныя грамоты своихъ предшественниковъ, по которымъ дворянство владѣло землями, и если эти грамоты оказывались неточными (а въ этомъ случаѣ придирались ко всему), ихъ объявляли недѣйствительными, и отобранныя имѣнія поступали снова въ королевскую казну. Но совершенный упадокъ испанскаго дворянства начался со вступленія на испанскій престолъ Бурбоновъ. Когда по интригамъ Людовика XIV, слабоумный Карлъ II, распорядившись Испаніею, какъ своею частною собственностію, завѣщалъ ее внуку Людовика XIV, дворянство испанское было противъ этого завѣщанія и держало сторону австрійскаго дома. Этого Бурбоны разумѣется незабывали, и съ тѣхъ поръ прекратилось политическое значеніе дворянства въ Испаніи. Бурбоны, кромѣ упомянутыхъ повѣрокъ прежнихъ дарственныхъ грамотъ, постоянно держали дворянство вдали отъ правительства. Съ тѣхъ поръ невстрѣчается уже въ исторіи Испаніи ни одно изъ старыхъ дворянскихъ именъ, знаменитыхъ при прежней испанской монархіи; вмѣсто ихъ являются на сцену иностранцы, дворянство второстепенное или вовсе новое.

Удаленная отъ правительства, аристократія испанская наконецъ постепенно утратила и свои преданія и способности. Дѣти ея, владѣя, подобно англійской аристократіи, огромными состояніями, но неимѣя передъ собою никакого поприща для политическаго честолюбія, совершенно пренебрегали всякимъ основательнымъ образованіемъ, и наконецъ даже въ Испаніи отличались своимъ невѣжествомъ; забавы, безпутство и расточительность были ихъ единственными занятіями. Слѣдствіемъ этого сдѣлалось то, что дворянство испанское стало еще бѣднѣе. Бо́льшая часть знатныхъ фамилій обременена долгами; и какъ большіе землевладѣльцы, они чрезвычайно пострадали въ войну за независимость, съ 1808 по 1814 годъ, а уничтоженіе майоратства теперь нанесло послѣдній ударъ и ихъ значенію большихъ земельныхъ владѣтелей.

Впрочемъ и другія причины способствовали къ раззоренію дворянства. Кромѣ политики королей бурбонскаго дома, которые постоянно держали его въ отдаленіи отъ государственныхъ дѣлъ, дворянство въ Испаніи обложено было огромными налогами. Каждый дворянинъ, при полученіи отцовскаго наслѣдства, обязанъ былъ испрашивать у короля позволеніе на вступленіе во владѣніе, если не имѣніемъ, то титломъ, принадлежавшимъ его отцу, и при прошеніи должна была прилагаться значительная сумма, въ видѣ приношенія королю. Кромѣ этого дворянство должно было платить большія пошлины за каждое свое титло, а какъ нѣкоторые изъ дворянскихъ домовъ имѣютъ ихъ до 20 и 30, то легко понять, что пустая почесть именоваться гран-

домъ Испаніи, герцогомъ, маркизомъ и графомъ и оставаться въ шляпѣ въ присутствіи короля, недоставалась даромъ. Въ послѣднихъ событіяхъ все почти стало на сторонѣ конституціонной монархіи и признало Изабеллу. И это понятно: въ бо̀льшей части европейскихъ государствъ дворянство и королевская власть, ведя свое начало изъ феодальныхъ временъ, обыкновенно опирались другъ на друга и шли рука объ руку. Дворянство казалось необходимымъ и естественнымъ спутникомъ королевской власти. Въ Испаніи, гдѣ ни королевская власть, ни дворянство неоснованы были на завоеваніи, гдѣ жители деревень никогда неимѣли надобности освобождаться отъ угнетенія, и гдѣ духовенство, вооруженное инквизиціею, вполнѣ достаточно было для искорененія новыхъ идей, которыя бо̀льшею частію ходятъ въ городахъ, королевская власть, какъ замѣчено было, давно отдалила отъ себя дворянство, какъ несовсѣмъ удобнаго подданнаго, обременила его разными поборами и уничтожила его политическое значеніе. Во всѣхъ послѣднихъ событіяхъ дворянство испанское блистало только своимъ ничтожествомъ.

Я говорилъ выше о равенствѣ тона и обращенія, которое установила здѣсь между дворянствомъ и народомъ одинаковость племени; но если отъ отношеній чисто нравственныхъ перейдемъ къ интересамъ положительнымъ, матеріяльнымъ, къ отношеніямъ землевладѣльца и наемщика земли, то еще становится понятнѣе, ка̀къ это національное единство, выработанное въ Испаніи своеобразнымъ историческимъ развитіемъ, имѣло вліяніе не на одну только всеобщую вѣжливость обращенія, но и на собственность, — этотъ общій источникъ всѣхъ политическихъ ссоръ, — такъ что и собственность здѣсь носитъ на себѣ глубокіе слѣды этого урожденнаго равенства.

Собственность въ Испаніи — двухъ родовъ: собственность земли и собственность десятиннаго сбора. Дворянство изстари чрезвычайно кротко обращалось съ наемщиками своихъ земель; есть крестьянскія семейства, которыя въ продолженіи 200 и 300 лѣтъ имѣютъ въ наймѣ ту же землю, такъ что давность этихъ отношеній придала имъ особенный семейный характеръ. Кромѣ того большія земельныя собственности владѣльца, продолжительность и прочность, которую майоратство вводило во взаимные интересы, часто позволяли собственнику отсрочивать плату за наемъ, что̀ почти невозможно въ тѣхъ странахъ, гдѣ дробность и безпрестанное движеніе собственности заставляютъ всякаго скорѣе самому искать кредита, нежели давать его. Самые законы особенно покровительствовали наемщика. Хотя здѣсь въ каждой провинціи свои обычаи и законы, и можно ихъ изучать только на мѣстахъ, но есть изъ нихъ нѣкоторые, общіе всѣмъ среднимъ и южнымъ провинціямъ и которые особенно замѣча-

тельны. Напримѣръ, если наемщикъ дурно платитъ, то владѣлецъ неможетъ принуждать его къ исправнѣйшему платежу; если онъ вовсе неплатитъ, владѣлецъ можетъ отказать ему, но долженъ предувѣдомить его объ этомъ за годъ впередъ, въ иныхъ провинціяхъ за два года. Если другой наемщикъ предлагаетъ владѣльцу дороже, прежній, давши такую же цѣну, имѣетъ право остаться, даже противъ воли владѣльца. Въ Андалузіи и Эстремадурѣ наемщикъ можетъ, несмотря на заключенное условіе, требовать послѣ жатвы перецѣнки земли; а такъ какъ оцѣнщики всегда берутся изъ класса земледѣльцевъ, то наемщикъ никогда неостается въ накладѣ отъ перецѣнки. Вы видите, что если здѣсь кто и терпитъ, то уже вовсе не крестьянинъ. Кромѣ этого здѣсь еще существуетъ наемъ, подъ названіемъ *censo enfiteotico*: землевладѣлецъ уступаетъ свою землю на условіи ежегодной и разъ навсегда опредѣленной платы; и съ сей минуты наемщикъ, платя исправно условную сумму, пользуется землею, какъ своею полною и неограниченною собственностію; онъ можетъ на ней строить, садить, — удесятерять цѣнность земли: владѣлецъ никогда несмѣетъ требовать съ него ничего больше условной платы. Упадокъ цѣнности въ деньгахъ нисколько неизмѣняетъ силу разъ навсегда сдѣланнаго условія, такъ что есть много семействъ, владѣющихъ значительнымъ количествомъ земли за самую, по теперешнимъ цѣнамъ, ничтожную плату.

Десятинная подать вовсе невозбуждаетъ въ испанскомъ народѣ той враждебности, съ какою смотрѣли на нее въ Германіи, во Франціи и теперь смотрятъ въ Ирландіи. Она принадлежитъ къ самымъ старымъ обычаямъ Испаніи, гдѣ всѣ обычаи такъ стары. Начало десятинной подати здѣсь относятъ къ временамъ Карѳагенянъ. Даже Римляне не сами ввели его, а только приняли, слѣдуя въ своихъ многочисленныхъ и различныхъ владѣніяхъ вообще правилу — оставлять завоеванные народы управляться своими законами, съ обязанностію платить Риму подать. По-крайней-мѣрѣ здѣсь полагаютъ, что именно распредѣленіе этой подати на каждаго гражданина и составляло десятинный сборъ. Готѳы наслѣдовали его отъ Римлянъ, арабы, принесшіе съ востока тотъ же обычай, нашли его уже съ давнихъ поръ установившимся въ Испаніи. Послѣ изгнанія арабовъ десятина была сохранена, какъ налогъ, платимый коронѣ на военныя издержки. Корона, съ своей стороны, при нуждѣ въ деньгахъ, продавала десятины дворянству; въ другихъ случаяхъ давали ее духовенству, соборамъ, монастырямъ, въ видѣ даровъ. Съ давняго времени въ Испаніи десятина была продаваема и покупаема, какъ всякая другая собственность, если же она теперь находится бо́льшею частію въ рукахъ дворянства, то не потому, что оно дворянство, а потому,

что дворянство, владѣя большими собственностями, было прежде очень богато и покупало ее, какъ теперь покупаютъ государственные векселя. Вы видите, что десятинная подать въ Испаніи не есть феодальная подать, происшедшая отъ завоеванія, какою была она въ остальной Европѣ; здѣсь она неболѣе, какъ форма поземельной подати. Но вотъ что̀ замѣчательно: если наемщикъ земли вводилъ на ней новую обработку, то избавлялся на 10 лѣтъ отъ платежа десятинной подати; то есть, выходитъ, что владѣлецъ десятиннымъ сборомъ платилъ собственно за земледѣльческое нововведеніе; наконецъ капиталъ, представляемый десятинною податью, всегда включается въ оцѣнкѣ земли, такъ что она вовсе не посторонній налогъ, а просто наемная плата за землю.

Послѣ всего этого возможенъ ли въ испанскомъ народѣ духъ революціонный? Можно ли опасаться здѣсь такихъ народныхъ движеній, какія нѣсколько разъ потрясали Германію, Англію, Францію? Можно ли бояться изверженій народнаго волкана въ странѣ, гдѣ, какъ я сказалъ уже въ одномъ изъ моихъ къ вамъ писемъ, у самаго бѣднѣйшаго мужика есть всегда вдоволь хлѣба, вина и солнца, и гдѣ даже у нищаго есть на зиму и шерстяные штаны и шерстяной плащь! Вотъ почему здѣсь народъ такъ равнодушно смотритъ на политическія событія. Какъ нація, онъ безъ всякаго сомнѣнія безконечно выиграетъ отъ возрожденія Испаніи, но собственно какъ народъ, въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству, къ среднему сословію, — ясно, что не онъ именно здѣсь особенно нуждается въ освобожденіи. Если здѣсь что̀ дѣйствительно страдаетъ, такъ это интересы средняго сословія — просвѣщеніе, торговля, промышленность.... но объ этомъ до другого письма; а теперь сбираюсь на югъ Испаніи.

Кордова. Августъ.

Я уже въ Андалузіи! Но сначала нѣсколько словъ о дорогѣ. Отъ Мадрита она идетъ прежними пустыми полями; по дальнимъ окраинамъ ихъ — синѣютъ горы; по полямъ — ни одного дерева. Восемь или десять превосходныхъ муловъ, запряженныхъ попарно, быстро везутъ низкій дилижансъ; всегда равнодушный и молчаливый кондукторъ сидитъ на передкѣ, рядомъ съ кучеромъ, или точнѣе — мѣсто кучера рядомъ съ кондукторомъ; самъ же кучеръ ни минуты неостается на своемъ мѣстѣ: онъ безпрестанно вьется около муловъ, погоняетъ ихъ, ободряетъ, бранитъ, зоветъ по кличкамъ — *capitana, coronela, pulia, gitana*, и каждый мулъ отзывается на свою кличку движеніемъ ушей. Только развѣ на крутую гору мулы идутъ шагомъ, кромѣ этого или сильною рысью, или въ скачь; тогда кучеръ (*zagal*)

прицѣпляется сзади дилижанса или вспрыгиваетъ на свое мѣсто; но только что мулы начинаютъ умедлять бѣгъ, онъ снова вертится уже около нихъ, бичь хлопаетъ, и дилижансъ постоянно скачетъ, несмотря ни на какую дорогу, ни на толчки, которые достаются путешественникамъ. Но въ этомъ отношеніи Испанцы—самые веселые товарищи: въ дорогѣ они совершенно оставляютъ свою обычную важность и серьёзность, становятся шутливы, говорливы; толчки, всѣ неудобства здѣшнихъ путешествій возбуждаютъ только шутки и веселость: никто нежалуется ни начто. Если обѣдъ дуренъ, онъ дѣлается предметомъ насмѣшливыхъ шутокъ и остротъ; я никогда неслыхалъ, чтобъ кто-нибудь изъ Испанцевъ серьёзно пожаловался на что-нибудь въ дорогѣ. Нѣтъ народа болѣе уживчиваго и терпѣливаго, да и нѣтъ страны менѣе избалованной удобствами, какъ Испанія. Путешествуя верхомъ по горнымъ дорогамъ или по пустыннымъ, ненаселеннымъ равнинамъ (*despoplados*), останавливаясь въ одинокихъ вентахъ, поневолѣ забудешь претензіи на разныя удобства и привыкнешь довольствоваться необходимымъ. Около вечера пріѣхали мы въ Аранхуэсъ (*Aranjuez*). Садъ его, который воображалъ я нѣкогда раемъ, читая первую сцену Донъ Карлоса Шиллера, оказался просто садомъ, какой только можетъ быть въ окрестностяхъ Мадрита. Тахо (*Tajo*), протекающій по парку, живитъ эту изсушенную солнцемъ испанскую землю, но чудно-богатую питательными соками. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, среди этихъ пустынь, гдѣ кромѣ покрытыхъ пылью кустовъ розмарина невидать никакой зелени, вдругъ встаютъ гигантскіе платаны, тополи, великолѣпнѣйшіе дубы. Эта почва, за нѣсколько шаговъ совершенно безплодная, пріобрѣтаетъ отъ живительной влажности рѣки растительность удивительную, невиданную. Дворецъ очень обыкновененъ; въ немъ всего замѣчательнѣе (по богатству отдѣлки, но нисколько по хорошему вкусу) небольшой павильонъ Карла IV (*Casa de labrador*), на который онъ, разсѣяваясь отъ своихъ всяческихъ несчастій (кто неслыхалъ о похожденіяхъ его супруги съ извѣстнымъ княземъ мира и съ другими?) употребилъ милліоны, распоряжаясь по своему доброму королевскому усмотрѣнію налогами съ своей бѣдной Испаніи.

За Аранхуэсомъ тотчасъ же начинается прежняя пустыня; но послѣ небольшого городка Осапа характеръ ея измѣняется. Мы въ Ла-Манчѣ. Эта унылая провинція вся состоитъ изъ равнины, на которой нигдѣ нѣтъ воды, ни одного холма, ни одного дерева. Глазъ свободно уходитъ въ даль, невстрѣчая ничего кромѣ красно-сѣрой почвы и темно-голубого, чистаго неба; только на югѣ, словно густой туманъ, что-то виднѣется въ этой пустынѣ: это Сіерра-Морена; изрѣдка, черезъ два, три часа ѣзды, встрѣчаются по дорогѣ не деревни,

а одинокія венты; по краямъ дороги нѣтъ ни кустарника, ни даже травы. Я незнаю, что есть еще въ мірѣ печальнѣе этой пустыни! Представьте при этомъ мертвомъ молчаніи ослѣпительную яркость жгучаго солнца, отъ котораго трескается обнаженная земля. — Это дѣйствительно пустыня, но только самая прозаическая, безъ Африки, безъ моря песку, безъ могучаго вѣтра, взвѣвающаго его. Кое-гдѣ попадаются небольшіе городки, которыхъ домà сподрядъ покрыты этою вѣчною сѣро-кирпичною краскою; только около рѣдкихъ селеній видишь небольшія рощи оливъ и виноградники, которыя тотчасъ же смѣняются прежнимъ безплоднымъ, пустыннымъ полемъ. Здѣсь и на людяхъ отразилась суровость природы: житель Ла-Манчи, которому нечего ждать отъ своего труда, вслѣдствіе этого лѣнивъ, бѣденъ, саленъ, бродяга. Въ каждомъ селеніи дилижансъ окружали толпы нищихъ, дѣти въ лохмотьяхъ, дѣти вовсе голые, старый и малый, — всѣ просятъ милостыни. Манчеги на видъ хилы и вялы, одежда ихъ самая неживописная: темно-коричневая всегда съ заплатами длинная куртка, такіе же короткіе штаны и такіе же длинные штиблеты. Кромѣ всего этого жители Ла-Манчи имѣютъ въ Испаніи самую скверную репутацію: изъ нихъ будто бы все состоятъ мелкія шайки пѣшихъ воровъ, *rateros*, грабящихъ и бòльшею частію убивающихъ одинокихъ путешественниковъ, въ противоположность всѣмъ уважаемымъ *caballistas*, разбойникамъ коннымъ, которые только грабятъ, а убиваютъ лишь по необходимости. Кстати прибавлю, что въ послѣднюю войну шайки карлистовъ, грабившія по большимъ дорогамъ, преимущественно состояли изъ Манчеговъ. Да, я забылъ сказать, что вино Ла Манчи пользуется въ Испаніи большою извѣстностію, особливо изъ виноградниковъ около города *Val de Penas*: оно непохоже на всѣ испанскія вина; некрѣпко и очень пріятно; это единственное вино въ Испаніи, которое я пью здѣсь за столомъ безъ воды. — Если бы оно невоняло кожанымъ мѣшкомъ своимъ!

Но самая громкая слава Ла Манчи—ея безсмертный Донъ Кихотъ! Здѣсь, въ этой печальной странѣ, родился и умеръ рыцарь печальнаго образа съ своимъ знаменитымъ конюшимъ, и народъ до сихъ поръ показываетъ мѣста ихъ подвиговъ. За нѣсколько миль отъ города *Quintor de la Orden* мнѣ показали *Toboso*, отечество Дульцинеи, а потомъ тотъ постоялый дворъ (*venta*), гдѣ Донъ Кихотъ былъ посвященъ въ рыцари. Простой народъ даже вѣритъ дѣйствительному существованію Донъ Кихота! «Слыхали вы о Донъ Кихотѣ?» спросилъ я въ одной деревнѣ мужика. «Да, *senor*, онъ былъ Манчего и очень храбрый *Caballero.*» — «Давно ли онъ жилъ?» — «Давно: больше тысячи лѣтъ.» Хозяинъ одной венты, гдѣ мы останавливались

пить воду, съ гордостію сказалъ мнѣ, что въ его вентѣ останавливался и ночевалъ Донъ Кихотъ.

Во всю Ла Манчу меня преслѣдовали разсказы объ ограбленномъ за нѣсколько дней дилижансѣ. Всѣхъ приводило въ негодованіе не то, что онъ былъ ограбленъ: это казалось совершенно въ порядкѣ вещей; а то, что разбойники начали свое нападеніе тѣмъ, что выстрѣлили изъ *trabuco* въ купѣ дилижанса: къ счастію зарядъ упалъ ниже окна. Намъ въ первый разъ разсказали объ этомъ въ Оканьи, и вдругъ лица у всѣхъ приняли озабоченный видъ. Такъ какъ я рѣшился уже за удовольствіе встрѣчи съ разбойниками поплатиться тремя стами франковъ, то ожидалъ ея не безъ пріятнаго ощущенія, очень похожаго на то, съ какимъ ждешь поднятія занавѣса новой и интересной пьесы.

Кромѣ нѣкоторыхъ приморскихъ мѣстъ и немногихъ частей Андалузіи и сѣверныхъ провинцій, Испанія земля природы унылой, суровой и пламенной: голыя скалистыя горы да пустынныя поля; если гдѣ-нибудь на нихъ и встрѣчаются деревья, онѣ скорчились отъ зноя и засухи, бѣдны и приземисты. Мертвая тишина по пустыннымъ полямъ; пѣнья птицъ неуслышишь; одни орлы да коршуны виднѣются въ небѣ, перелетая между горами. Утомленные пустынею глаза лишь изрѣдка встрѣчаютъ небольшія бѣдныя деревни да обвалившіяся башни и стѣны укрѣпленій, оставшихся отъ арабовъ или отъ старыхъ внутреннихъ войнъ. Пустынныя картины Кастильи и Ла Манчи исполнены какой-то пламенной, страстной меланхоліи. Иногда встрѣчаешь на нихъ пастуха дикаго вида, со стадомъ; неподвижно опершись на окованную желѣзомъ палку или на ружье, лѣниво и равнодушно взглянетъ онъ на проѣзжихъ; иногда по пустынной дорогѣ тянутся гусемъ мулы, навьюченные товаромъ, на которомъ сидятъ хозяева съ ружьями, или попадается путешествующій *hidalgo* верхомъ, съ своимъ неразлучнымъ *escopetto* (ружьемъ); а кромѣ этихъ рѣдкихъ встрѣчъ — яркое, знойное, голубое небо, пустое степное поле, пустая дорога. Но эти же причины дѣлаютъ одинокія венты очень интересными: такъ какъ во время жару весь этотъ странствующій людъ не ѣдетъ, а останавливается въ вентахъ, то онѣ принимаютъ чрезвычайно живописный и оживленный видъ. Сведя муловъ и лошадей въ конюшню, проѣзжіе обыкновенно располагаются подъ длиннымъ сводомъ въѣзда. Я уже говорилъ вамъ, что въ Испаніи каждая провинція имѣетъ свой костюмъ; а здѣсь ихъ 40 провинцій! Можете представить, какой маскарадъ встрѣчаешь въ иной вентѣ. Кастильянецъ носитъ куртку какого-нибудь степеннаго цвѣта, короткія съ пуговицами штаны и непремѣнный плащъ; Манчего весь одѣтъ въ темнокрасный цвѣтъ, куртка его длиннѣе кастиль-

ской и сшита на другой покрой. Валенсіянецъ носитъ обыкновенно голубую бархатную куртку, короткіе до колѣнъ, ужасно широкіе бѣлые шаровары, съ широкимъ краснымъ поясомъ, на ногахъ сандаліи (*alpargatas*), вмѣсто плаща кусокъ пестро-полосатой шерстяной ткани (*manta*). Они обыкновенно садятся на землю, поджавъ ноги калачомъ, голова всегда острижена у нихъ подъ гребенку, лишь на затылкѣ оставляютъ нѣсколько длинныхъ локоновъ; шляпъ неносятъ, а голову повязываютъ платкомъ, на манеръ тюрбана. У кастильцевъ видъ всегда серьёзный и важный; они пользуются въ Испаніи отличной репутаціею, и конечно недаромъ существуетъ пословица: *honrado como un Kastallano* (честенъ, какъ кастильянецъ). Валенсіянца узнаешь по арабскому типу бронзоваго лица, бодрымъ, легкимъ движеніямъ и по дикому огню глазъ. Но всѣхъ удалѣе андалузецъ въ своей шитой арабесками курткѣ, съ шолковымъ цвѣтнымъ платкомъ на шеѣ, концы котораго продѣты въ золотое или серебряное кольцо, въ своей низенькой съ загнутыми полями шляпѣ, всегда надѣтой на бекрень и изъ подъ которой висятъ сзади длинные концы пестраго шолковаго платка, обвязывающаго голову. Особенно поражаетъ своею оригинальностію одежда Марагатовъ: это какое-то самостоятельное племя съ своими обычаями, нравами, характеромъ. Они живутъ въ горахъ леонской провинціи, около *Astorga*. Замѣчательно, что особенности ихъ выходятъ у нихъ вовсе не изъ религіозныхъ причинъ; они живутъ только между собою, чуждаясь всего, что̀ не Марагато. Всѣ они исключительно занимаются перевозомъ товаровъ на мулахъ и честности необыкновенной. Это самые вѣрные люди въ цѣлой Испаніи; посылка денегъ, напримѣръ, особенно въ значительныхъ суммахъ, повѣрястся здѣсь не почтѣ, а марагатамъ, и небыло еще примѣра, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ обманулъ своихъ довѣрителей. Вообще эти люди характера серьёзнаго и молчаливаго; у всѣхъ *arrieros* дорогой непроходитъ ни минуты безъ пѣнья, одни марагаты никогда непоютъ. Ихъ лица имѣютъ нѣсколько сухое и строгое выраженіе, какое встрѣчаешь обыкновенно на лицахъ сектаторовъ. Еще въ Мадритѣ всегда поражала меня ихъ одежда XVII вѣка (очень похожая на ту, въ какой обыкновенно рисуютъ Кромвеля), и я даже надоѣлъ своимъ мадритскимъ пріятелямъ распросами о нихъ. Но, несмотря на это, ничего не могъ узнать о нихъ положительнаго. Живя въ горныхъ деревняхъ, марагаты связаны между собой обычаями: напримѣръ, никто изъ нихъ недолженъ носить платья другого покроя и другого цвѣта кромѣ чернаго; женятся они только между собою; въ одеждѣ женщинъ очень много восточнаго. Въ одномъ обществѣ, въ Мадритѣ, какой-то ученый каноникъ, ссы-

лаясь на историка Маріану, разсказывалъ мнѣ о происхожденіи марагатовъ цѣлую и презапутанную исторію.

Я уже говорилъ, что перевощики товаровъ на мулахъ здѣсь называются *arrieros*; для безопасности, они обыкновенно по дорогамъ присоединяются другъ къ другу. Вы поймете, какъ интересно встрѣтить въ иной вентѣ соединеніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ лицъ и одеждъ. Весь этотъ людъ небрежно отдыхаетъ на своихъ пестрыхъ коврахъ, которыми обыкновенно покрываютъ товары на мулахъ, и курятъ свои неразлучныя сигары, или *merute papelitos.* Народъ да и вообще всѣ Испанцы всегда сами вертятъ себѣ сигаретки, и съ удивительнымъ искусствомъ. Онѣ обыкновенно чрезвычайно малы, неболѣе какъ для двухъ, трехъ хорошихъ глотковъ дыму. Здѣсь сигара играетъ большую роль: она завязываетъ разговоръ, служитъ изъявленіемъ учтивости; и кстати предложенная сигара доставляла мнѣ неразъ самое обязательное знакомство. Испанскій мужикъ исполненъ достоинства; видъ его гордъ, всѣ манеры знатнаго барина. Онъ говоритъ съ кѣмъ бы то ни было тономъ совершеннаго равенства. И немудрено! знаете ли, что еще не далѣе какъ въ 1621 году ужасное запустѣніе полей заставило Филиппа IV давать дворянское достоинство тѣмъ, которые станутъ заниматься обработываніемъ земли! Незнаю, многіе ли старались этимъ путемъ достигнуть дворянства, но во всякомъ случаѣ и это обстоятельство, между многими другими, о которыхъ я уже говорилъ вамъ, имѣетъ слѣдствіемъ то, что испанскій мужикъ нисколько несчитаетъ себя хуже кого бы то ни было или занятія свои сколько нибудь унизительными. А вотъ еще одна изъ оригинальностей Испаніи: въ образованныхъ странахъ Европы праздность считается порокомъ, въ Испаніи — нисколько. Въ Европѣ всякой старается разбогатѣть, чтобъ выйти изъ своего низшаго положенія, — Испанецъ богатѣетъ для того, чтобъ остаться тѣмъ, что̀ онъ есть. Можетъ быть во всемъ мірѣ нѣтъ работника лучше Испанца, но онъ работаетъ только для того, чтобъ имѣть самое необходимое; а все остальное время онъ предпочитаетъ по цѣлымъ днямъ стоять завернувшись въ плащѣ на городской площади, разговаривать о разныхъ новостяхъ или молча вертѣть и курить свои *papelitos.* Конечно водоносъ, наконецъ нищій такъ искренно убѣждены въ своемъ равенствѣ со всѣми, что никогда несчитаютъ за нужное доказывать словами или поступками, чѣмъ бы то ни было, это равенство, полученное ими при рожденіи, и слѣпой нищій, желая закурить свою сигару, скажетъ, чему я не разъ былъ свидѣтелемъ, гранду Испаніи: «*Tiene Usted lumbre, Marques* (есть у васъ огонь, маркизъ?), и маркизъ подаетъ ему свою сигару безъ малѣйшаго удивленія, но зато и нищій никогда

неперестанетъ оставаться нищимъ, сынъ мужика никогда неподумаетъ сдѣлаться владѣльцемъ или маркизомъ. Въ Испаніи никто, кромѣ офранцуженнаго средняго сословія, нестарается стать выше своего званія. Не въ этомъ ли и причина, что наука, искусство, промышленность, торговля, — все, что̀ служитъ степенью для честолюбія людского, находятся здѣсь въ такомъ небреженіи?

Ничего неможетъ быть ужаснѣе кухни, которая преслѣдовала меня въ вентахъ Ла Манчи: это полное царство того дурного оливковаго масла, называемаго у насъ деревяннымъ: его примѣшиваютъ и въ супъ и въ яичницу, въ немъ подаютъ и маринованные рябчики, жарятъ рыбу. По вечерамъ даютъ еще здѣсь нѣчто въ родѣ нашей окрошки; эта холодная похлебка состоитъ изъ салата, испанскаго перцу, луку, томатовъ, уксусу, масла, воды, соли, хлѣба и называется *gaspacho*. Я принужденъ былъ обѣдать шоколатомъ и яйцами въ смятку, заѣдая все это салатомъ съ однимъ уксусомъ. Плодовъ въ Ла Манчѣ нѣтъ; а сливочное масло – рѣдкость даже и въ большихъ городахъ Испаніи; счастье еще если въ иномъ селеніи можно отыскать свиного сала.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ Сіеррѣ Моренѣ, тѣмъ ровная почва Ла Манчи становилась волнистѣе. За этою массою лиловыхъ горъ лежала Андалузія! Постепенно холмы становились пригорками, наконецъ горами, утесы, скалы, — выше и выше, и въ *Puerto de los perros* (собачьи ворота), гдѣ темныя, голыя, громадныя скалы встаютъ страшными массами, я уже съ уваженіемъ смотрѣлъ на Сіерру Морену, вспоминая сотни романсовъ, читанныхъ мною въ дѣтствѣ о ея знаменитыхъ разбойникахъ. А дѣйствительно, еще недалѣе какъ въ половинѣ прошлаго вѣка переѣздъ чрезъ Сіерру Морену былъ ужасомъ путешественниковъ. Черезъ эти нависшія одна на другую скалы пролегала лишь тропинка, по которой съ трудомъ взбиралась лошадь, зимою вовсе небыло проѣзда отъ стай волковъ; шайки разбойниковъ жили тутъ постоянно, какъ въ неприступныхъ крѣпостяхъ. Если въ 1831 году Фердинандъ VII принужденъ былъ договариваться съ знаменитымъ атаманомъ разбойниковъ—Хозѐ Маріа, — убѣдясь, послѣ многихъ лѣтъ, что всѣ преслѣдованія войскъ и полиціи рѣшительно немогутъ остановить его грабежей, можно представить, что̀ было въ Сіеррѣ Моренѣ за сто лѣтъ до насъ, при ея непроходимыхъ дебряхъ! Теперь превосходное шоссе проходитъ черезъ Сіерру Морену, красивые мосты перекинуты чрезъ пропасти; вмѣсто прежнихъ заброшенныхъ въ горной глуши, одинокихъ вентъ, притоновъ разбойничьихъ шаекъ и ловушекъ путешественниковъ, теперь встрѣчаются небольшія веселыя селенія съ воздѣланными вокругъ полями. Эти дороги, селенія, это завоеваніе страшной Сіерры циви-

лизаціею суть плоды, философіи восемнадцатаго вѣка. Да, и она на что-нибудь пригодилась въ этомъ прекрасномъ мірѣ! хоть на проложеніе дороги чрезъ Сіерру-Морену.

Въ половинѣ прошлаго вѣка небольшая горсть Испанцевъ, страстныхъ послѣдователей философіи своего времени, приняла на себя подвигъ преобразовать закоснѣлую въ старыхъ обычаяхъ своихъ католическую и монашескую Испанію. Умный Карлъ III понялъ, оцѣнилъ ихъ, но не въ силахъ былъ защитить отъ ненависти духовенства и преслѣдованій инквизиціи.

Философія энциклопедистовъ въ Испаніи, и еще въ королевскомъ совѣтѣ! Запирайтесь послѣ этого отъ духа своего вѣка! Въ этой классически-католической Испаніи, въ самомъ отечествѣ Доминика и Лойолы, инквизиціи и іезуитизма, въ странѣ, навсегда казалось отрѣзанной ими отъ Европы, недоступной ея вліянію, чуждой ея идеямъ, движеніямъ, интересамъ, – и въ эту околдованную темными силами страну добралась философія XVIII вѣка! Таможни незамѣтили ее,— даже сама инквизиція проглядѣла. Она пробралась духомъ вѣка, самою силою вещей, этою таинственною необходимостію, стремящею родъ человѣческій къ совершенію судебъ своихъ.

До Карла III (1750) все вліяніе Европы на Испанію состояло почти въ одной только одеждѣ. Филиппъ V только что усѣлся на своемъ престолѣ, стоившемъ столько крови и денегъ Испаніи и Франціи, какъ тотчасъ же объявилъ войну національной испанской одеждѣ. И въ Испаніи новая исторія началась съ преобразованія платья! Говорятъ будто Филиппъ V даже сочинилъ латинскую сатиру на какую-то испанскую народную одежду, называемую *Golilla*. Впрочемъ всѣ его преобразованія ограничились однимъ введеніемъ французскаго кафтана, который далѣе придворныхъ нераспространился. Но если Бурбоны привезли съ собой въ Испанію очень мало ума и таланта, зато привезли они французскій языкъ, который всего лучше могъ тогда познакомить Испанцевъ съ Европою и ея движеніями. Съ этой стороны возшествіе Бурбоновъ на испанскій престолъ было для Испаніи дѣйствительно великимъ событіемъ; этой всячески изнуренной, задыхавшейся въ своемъ средневѣковомъ невѣжествѣ странѣ открыто было наконецъ окно въ Европу; сѣмя новой жизни было брошено на испанскую почву, хотя о немъ разумѣется вовсе недумали ни великолѣпный Людовикъ XIV, ни ограниченный внукъ его. Новыя понятія сначала робко пробираясь между мадритскими академиками, вдругъ неожиданно находятъ себѣ покровительство у Карла III (сына Филиппа V) и наконецъ становятся правительствомъ въ лицѣ министра графа Аранды, Кампоманеса, графа Олавиде.

Чтобъ показать, съ какими трудностями должна была бороться эта горсть новыхъ людей, эти реформаторы монашеской и средневѣковой Испаніи, я попрошу у васъ позволенія напомнить вамъ судьбу, постигшую строителя и колонизатора этой превосходной дороги черезъ роковую Сіерру-Морену, – графа Олавиде. Онъ былъ правителемъ Севильи. Но еще прежде, принужденный для поправленія своего разстроеннаго состоянія жениться на богатой вдовѣ и заниматься торговыми спекуляціями, долженъ былъ онъ по дѣламъ своимъ живать часто въ Парижѣ. Тутъ онъ познакомился съ Вольтеромъ, со всѣмъ, что̀ было тогда въ Парижѣ замѣчательнаго въ философскомъ и литературномъ отношеніяхъ. Въ его домѣ играли Заиру, Меропу, весь репертуаръ того времени, переводимый на испанскій языкъ самимъ хозяиномъ; актерами были молодые Испанцы, любители французской литературы. Въ это время графъ Аранда, сдѣлавшись министромъ, вызвалъ къ себѣ Олавиде. Въ ихъ мысляхъ и чувствахъ было большое сходство; они подружились; Олавиде принялъ горячее участіе въ новой администраціи и назначенъ былъ правителемъ Севильи. Сіерра-Морена тогда, какъ я сказалъ, была словомъ, возбуждавшимъ ужасъ, да и недаромъ называлась она Черною горою. Олавиде задумалъ ввести цивилизацію въ этотъ вертепъ, колонизировать его. Но никакія выгоды немогли туда заманить Испанцевъ; Олавиде вызвалъ колонистовъ изъ Франціи, Швейцаріи, Германіи. Небыло воды, а Олавиде утверждалъ, что она непремѣнно есть въ горныхъ лѣсахъ, потому-что эти мѣста были же нѣкогда заселены арабами, и дѣйствительно вода была найдена. Олавиде самъ устроивалъ колонистовъ, заботился о нихъ неусыпно. Аранда, бывшій тогда въ большой силѣ, всячески содѣйствовалъ ему; Кампоманесъ, соображаясь съ мыслію основателя, составилъ *fueros* (учрежденія и статуты) для его колоній. Олавиде запретилъ въ нихъ основаніе монастырей и даже такъ называемыхъ страннопріимныхъ братьевъ, подъ видомъ которыхъ заводились всегда монастыри. Даже одинъ находившійся тутъ старый монастырь былъ срытъ, и на его мѣстѣ Олавиде выстроилъ домъ для себя. Все это были вещи неслыханныя въ Испаніи! Но Олавиде пошелъ далѣе: въ числѣ колонистовъ иные были протестанты; Олавиде воспротивился усиліямъ духовенства обращать ихъ въ католичество или заставлять присутствовать при католическихъ процессіяхъ; онъ даже позволилъ имъ работать въ нѣкоторые изъ безчисленныхъ испанскихъ праздниковъ. А сверхъ всего этого Олавиде былъ правою рукою графа Аранды въ дѣлѣ изгнанія іезуитовъ изъ Испаніи.

Въ десять лѣтъ своего управленія Олавиде преобразилъ дикую и страшную Сіерру-Морену въ населенную, промышленную, весе-

лую страну, самъ проложилъ прекрасныя дороги, построилъ города. Правда, отъ всѣхъ этихъ трудовъ осталось немногое; теперь въ главной колоніи, Каролинѣ, мало жителей, городъ пустъ и тѣмъ болѣе кажется пустымъ, что выстроенъ съ самою скучною правильностію, длинными широкими улицами, однообразными домами. Но въ этомъ запустѣніи невиноватъ Олавиде: послѣ его паденія бѣдные колонисты незнали куда дѣваться отъ всяческихъ притѣсненій духовенства.

Жена Олавиде, какъ всѣ Испанки того времени, неполучила никакого воспитанія. Она вовсе непонимала характера мужа, непонимала его видовъ, его вражды къ предразсудкамъ, его любви къ человѣчеству и приписывала его дѣйствія совсѣмъ иной причинѣ — какой-то тайной страсти. Любя своего мужа, она сдѣлалась ревнива, подозрительна; его враги воспользовались болтовствомъ ея. Злоба монаховъ собиралась грозою надъ смѣлымъ нововводителемъ: орудіемъ ихъ былъ Ромуальдъ, нѣмецкій капуцинъ, пришедшій съ баварскими колонистами и вкравшійся въ довѣренность къ женѣ Олавиде. Онъ обвинилъ Олавиде передъ инквизиціею въ еретичествѣ. Около этого времени Карлъ III захотѣлъ лично узнать Олавиде, пригласилъ его въ Мадритъ и самъ объявилъ ему, что для него приготовляется медаль въ награду за услуги, оказанныя имъ отечеству.

Въ продолженіи этой поѣздки Олавиде узналъ о козняхъ монаха Ромуальда, о доносѣ его инквизиціи. Чтобъ какъ-нибудь отклонить отъ себя грозу, онъ рѣшился самъ явиться къ великому инквизитору, говорилъ съ нимъ прямо, даже вызвался ему сдѣлать публичное отрицаніе нѣкоторыхъ слишкомъ смѣлыхъ мыслей, сознаваясь въ необдуманномъ слѣдованіи имъ. Но это немогло удовлетворить инквизиціи. 14 ноября 1776 года графъ Мора де Фуэнтесъ, верховный альгвасилъ инквизиціи, арестовалъ его; заключенный въ тюрьмѣ инквизиціи Олавиде исчезъ: ни жена, ни дѣти, ни друзья незнали два года о существованіи его; всѣ думали, что его уже нѣтъ въ живыхъ.

24 ноября 1778 года, въ тотъ годъ, когда умерли Вольтеръ и Руссо, шестьдесятъ высшихъ сановниковъ Мадрита были собраны въ восемь часовъ утра въ одной изъ залъ инквизиціи. Созванные по приглашенію великаго инквизитора (а такія приглашенія были повелѣніями) присутствовавшіе совершенно незнали о цѣли ихъ созванія: то были герцоги, гранды, генералы, высшіе чиновники всѣхъ совѣтовъ, всей администраціи. Ихъ ввели въ самое судилище инквизиціи — длинную, темную залу; въ ней былъ столъ, два стула для инквизиторовъ, еще два стула для стражей неизвѣстнаго подсудимаго и деревянная скамья для нихъ. Прямо на черной стѣнѣ возвышалось грозное, колоссальное распятіе. Герцогъ Абрантесъ, графъ Мора и другіе гранды, какъ верховные альгвасилы инквизиціи, были тутъ безъ

шляпъ и безъ шпагъ, въ качествѣ слугъ. Наконецъ монахи, въ черной одеждѣ и съ босыми ногами, ввели подсудимаго. На немъ было платье жолтаго цвѣта — цвѣта преступниковъ, въ рукахъ была зажженная свѣча; его посадили на приготовленный для него табуретъ. То былъ графъ Олавиде.

Началось чтеніе обвиненій; въ числѣ ихъ были и найденныя въ бумагахъ его разныя замѣтки. Собственно онѣ незаключали въ себѣ уликъ ни въ какомъ преступленіи, но въ нихъ были неблагопріятные отзывы о монахахъ и духовенствѣ. Потомъ обвиняли его въ отрицаніи непреложности папы въ дѣлахъ вѣры, въ томъ, что онъ велѣлъ нарисовать себя среди разныхъ предметовъ въ греческой миѳологіи. Долго исчислять всѣ обвиненія; упомяну только объ особенно замѣчательныхъ, напримѣръ, что Олавиде допустилъ въ свою библіотеку столь гнусныя и вредныя книги, какъ энциклопедіи, лексиконъ Бэля (*Bayle*), духъ законовъ Монтескьё, сочиненія Вольтера, Руссо. Касательно Вольтера преступленіе Олавиде увеличивалось еще тѣмъ, что онъ искалъ съ нимъ личнаго знакомства, ѣздилъ нарочно для этого въ Ферне, даже получалъ отъ него письма, изъ которыхъ въ одномъ была слѣдующая фраза: «Надобно желать, чтобъ въ Испаніи было побольше такихъ людей, какъ вы.» Еще обвиняли его въ неуважительныхъ отзывахъ о монахахъ и образахъ, въ предпочтеніи Марка Аврелія испанскимъ королямъ и даже отцамъ церкви, въ неисполненіи внѣшнихъ обрядовъ католической вѣры, въ разныхъ вредныхъ мысляхъ и проч. и проч. Всѣ дѣйствія и поступки Олавиде перебраны были поодиначкѣ, вся жизнь съ самого дѣтства, всѣ брошенныя мимоходомъ слова, — ничто неускользнуло изъ инквизиціоннаго изслѣдованія. Въ заключеніе прочтенъ былъ приговоръ: несчастный былъ осуждаемъ, какъ еретикъ, на восмилѣтнее заточеніе въ одинъ изъ монастырей Ла Манчи; тамъ ежедневно долженъ былъ исполнять наложенное на него покаяніе, учить наизустъ катихизисъ и читать слѣдующія книги: «Символъ вѣры» соч. *fray Luis de Grenada* и «Невѣрующему нѣтъ прощенія» соч. отца Сегера, и сверхъ того каждый мѣсяцъ исповѣдываться. Послѣ восмилѣтняго заточенія Олавиде запрещалось подъѣзжать на тридцать миль къ столицѣ, къ Севильи и къ Сіеррѣ-Моренѣ; онъ лишался своего званія, объявлялся неспособнымъ занимать впредь какую-либо должность; долженъ былъ во всю свою жизнь ходить плѣнникомъ; ему воспрещалось ѣздить верхомъ или въ экипажѣ, равно какъ и носить платье изъ золотой, серебряной или шолковой ткани, его одежда долженствовала быть самая грубая и простая. Только изъ уваженія къ пожалованному ему ордену св. Іакова, избавлялся онъ отъ ношенія веревки на шеѣ, которую бы долженъ былъ носить во всю свою жизнь, какъ еретикъ.

Олавиде упалъ безъ чувствъ, услышавъ такой приговоръ. Когда пришелъ онъ въ себя, ему велѣли стать на колѣни, отрѣщись отъ своихъ заблужденій; потомъ вошли четыре священника въ стихаряхъ, съ розгами, начали пѣть *Miserere* и били его по плечамъ, пока продолжалось пѣніе. Послѣ этого осужденнаго снова отвели въ тюрьму, и инквизиторы молча вышли, поклонясь присутствовавшимъ. Приглашенные были бо́льшею частію старые друзья графа, — люди, которыхъ ортодоксія была весьма сомнительною. Инквизиція нарочно созвала ихъ, желая дать имъ косвенный урокъ (*). Если бы не особенное заступничество Карла III, Олавиде былъ бы непремѣнно осужденъ на сожженіе.

Въ свое время эта исторія надѣлала много шуму въ Европѣ, и особенно во Франціи. Послѣ двухлѣтняго заточенія Олавиде Карлъ III исходатайствовалъ ему у инквизиціи позволеніе полечиться водами въ Каталоніи; оттуда Олавиде бѣжалъ во Францію. Но инквизиція принудила короля требовать его выдачи, такъ что Олавиде долженъ былъ уѣхать въ Женеву и уже воротился въ Парижъ при началѣ революціи. Конвентъ, желая изъявить страдальцу за дѣло просвѣщенія свое высокое уваженіе, призналъ его принятымъ гражданиномъ французской республики. Это была въ Испаніи послѣдняя жертва религіозной нетерпимости и преслѣдованія.

Если такія дѣла случались въ Испаніи въ то время, когда уже царствовала у насъ Екатерина II, мнѣ нисколько некажется сомнительнымъ и слѣдующій анекдотъ, разсказываемый о Филиппѣ III. Этотъ почтенный сынъ и наслѣдникъ Филиппа II, воспитанный имъ въ монастырѣ, до того былъ преданъ духовенству, что съ подобострастіемъ цаловалъ руку всякому встрѣчному монаху. Онъ любилъ присутствовать при *autos da fe* святой инквизиціи. Однажды сжигали на кострѣ какого-то еврея; тогда евреевъ считали проклятымъ племенемъ. Еврей шелъ на костеръ съ спокойною торжественностію, съ яснымъ, сіяющимъ лицомъ. Это поразило Филиппа. «Какъ жаль, что этотъ человѣкъ долженъ умереть!» сказалъ Филиппъ: — «вѣрно у него совѣсть чиста, если съ такимъ безстрашіемъ онъ идетъ на смерть.» Эти слова были переданы великому инквизитору: въ нихъ заключалось оскорбленіе святости и справедливости священнаго судилища. Такія преступленія наказывались сожженіемъ преступника. Но особа короля также священна, какъ и инквизиція! Въ такомъ затруднительномъ вопросѣ великій инквизиторъ произнесъ слѣдующее рѣшеніе: «Палачь долженъ пустить королю кровь

(*) Эти подробности сообщаетъ самъ самовидѣцъ ихъ епископъ Гадиса (*Guadix*).

изъ руки — и кровь эта должна быть сожжена.» Филиппъ III покорился рѣшенію инквизиціи и исполнилъ его.

Послѣ скалъ Сіерры-Морены природа начинаетъ значительно измѣняться: рощи оливъ, виноградники встрѣчаются чаще и чаще, и чѣмъ ближе къ Андалузіи, тѣмъ растительность сильнѣе. По краямъ дороги показывается наконецъ бирюзовая зелень алоя, — мѣстами попадаются кактусы: характеръ пейзажа измѣнился; чувствуешь, что находишься уже подъ другимъ небомъ; климатъ, архитектура строеній, одежда, обычаи,—все говоритъ, что находишься въ другой странѣ. Вышитая пестрыми арабесками куртка смѣняетъ темные ламанческіе камзолы; народъ бойчѣе и опрятнѣе, селеніе живописнѣе, женщины красивѣе и щеголеватѣе. Ихъ чудные черные волосы широкими клубами связаны на затылкѣ. Завѣтный испанскій балконъ исчезаетъ; дома низенькіе, почти безъ оконъ на улицу; внутри дома квадратный съ деревьями и цвѣтами дворикъ, окруженный галлереею и тонкими мавританскими колоннами: на этотъ дворъ выходятъ окна и двери комнатъ. На всемъ лежитъ мавританскій колоритъ, и этотъ колоритъ такъ силенъ, что до сихъ поръ городки и деревни Андалузіи имѣютъ восточный характеръ.

Кордова — совершенно мавританскій городъ. Невысокіе бѣлые дома безъ балконовъ и оконъ, узкія, вьющіяся улицы, по которымъ ходишь словно между двумя стѣнами, оконъ нѣтъ, однѣ двери. Но если иная дверь отворена, то невольно остановишься и засмотришься. Садовъ въ городѣ нѣтъ и нигдѣ невстрѣтишь зелени; кое-гдѣ, правда, изъ-за бѣлой стѣны поднимается вершина пальмы; при этомъ дневномъ безлюдьи, тишинѣ и однообразіи улицъ, какъ красиво и задумчиво рисуется вершина пальмы на темно-голубомъ безоблачномъ небѣ и яркой бѣлизнѣ домовъ! ничто тутъ ненапоминаетъ о нравахъ и обычаяхъ европейскихъ. Каждая случайно отворенная дверь открываетъ очаровательный садикъ — тутъ и апельсинныя деревья и рѣдкіе цвѣты; онъ обыкновенно обнесенъ высокою стѣною, за которою скрыта вся зелень. Передъ садомъ квадратный дворъ, тонкія мавританскія колонны разноцвѣтнаго мрамора поддерживаютъ арабскіе своды окружной галлереи, на которую выходятъ окна и двери жилыхъ комнатъ, посреди шумитъ мраморный бассейнъ фонтана. Крыша этого двора *(patio)* состоитъ или изъ винограда, котораго густая зелень непропускаетъ сквозь себя лучей солнца, или изъ холста. Въ этомъ прохладномъ дворѣ всегда сидитъ семейство. Ходя по улицамъ, которыхъ домà — высокія, сплошныя стѣны, и вдругъ увидя иную растворенную дверь, невозможно незасмотрѣться въ нее!

Одинъ житель Кордовы, съ которымъ я познакомился въ кофейной, водилъ меня въ нѣкоторые богатые дома: въ иныхъ по два сада, фруктовый и цвѣточный. Его же обязательной привѣтливости одолженъ я посѣщеніемъ и нѣкоторыхъ отличныхъ конюшенъ. Извѣстно, что Кордова славится своими заводами андалузскихъ лошадей. Что это за красивое, благородное животное! Андалузскіе кони развиваются очень медленно и входятъ во всю свою силу только на седьмомъ году, но зато и долго сохраняютъ ее: здѣсь часто двадцатилѣтнія лошади бодры и съ огнемъ. Это позднее развитіе можетъ быть происходитъ и отъ образа ихъ воспитанія: до трехлѣтняго возраста ихъ постоянно держатъ въ полѣ, недаютъ стойловаго корма: онѣ предоставлены вольному, полудикому состоянію. Послѣ этого срока ихъ ловятъ; я видѣлъ нѣкоторыхъ, пойманныхъ на дняхъ: онѣ чрезвычайно пугливы и дики, косматы, худы, такія дрянныя, что трудно повѣрить, какъ изъ нихъ становятся впослѣдствіи эти сильные, превосходные андалузскіе кони. Но эта же превосходная форма отчасти причиною и ихъ главнаго недостатка, который заключается въ устройствѣ заднихъ ногъ: онѣ слишкомъ круто согнуты и отъ этого слишкомъ далеко шагаютъ; въ скорой рыси заднія копыта безпрестанно задѣваютъ за переднія. Въ одной конюшнѣ я видѣлъ удивительнаго жеребца: только голова (какъ вообще у андалузской породы) была нѣсколько велика; шея гнулась крутой дугою; длиная грива висѣла словно крупный шолкъ, густой хвостъ почти касался земли; у него былъ гордый, крупный шагъ, который такъ цѣнятъ Испанцы; а галопъ такъ могучь и порывистъ, что словно ему хотѣлось разбить землю подъ ногами. Хозяинъ цѣнилъ его въ 1,500 *duros* (тысячъ 6 ас.) Отличныя и крупныя лошади въ Испаніи очень дороги и рѣдки. Кстати: мнѣ случилось видѣть въ Мадритѣ скачку: онѣ введены тамъ въ подражаніе англійской модѣ; и такъ какъ испанская лошадь по самому устройству своему всего менѣе способна къ скачкѣ, то въ ней участвовали однѣ только лошади англійской породы, и вы неможете вообразить, какую каррикатурную противоположность представляли онѣ передъ красивыми андалузскими конями нѣкоторыхъ зрителей.

Я нанялъ себѣ красиваго андалузскаго коня, чтобъ посмотрѣть на окрестности. Кордова стоитъ въ полѣ, окруженная зубчатыми мавританскими стѣнами. Я былъ пораженъ невообразимою прозрачностію этого воздуха, его ярко-золотистымъ, сверкающимъ блескомъ. Далеко извиваясь по полю, терялся Гвадалквивиръ, между густыми кустами олеандровъ, которые купами сбираются у воды, ища освѣженія отъ удушающаго жара; алоэ принимаетъ совершенно африканскіе размѣры; на широкомъ полѣ одни только дерева пустыни — пальмы, поднимаютъ свои изящныя, нагнувшіяся вершины; вправо —

Сіерра-Морена; ея отлогіе, послѣдніе холмы покрыты густою зеленью; тутъ рощи оливъ и виноградники. Мили за три отъ Кордовы, въ одной долинѣ между горами видѣлъ я чудесныя, крупныя, душистыя розы, которыя ростутъ тутъ сами собой,—наслѣдство мавровъ! Роза была ихъ любимымъ цвѣткомъ, и они всюду разводили ее. По отлогостямъ горъ расположены загородные дома кордованцевъ, окруженные апельсинными, лимонными деревами. И въ Кордовѣ и въ окрестностяхъ безпрестанно встрѣчаешь молодыхъ людей верхомъ; лицо у нихъ обыкновенно блѣдно-кофейнаго цвѣта и безъ малѣйшаго румянца, черные, сверкающіе глаза, станъ гибкій, движенія быстры и легки; ихъ щеголеватый костюмъ тѣмъ болѣе поражаетъ, что здѣсь все кромѣ одежды въ забросѣ и небреженіи. Эти *majos* (щоголи) верхомъ—заглядѣнье. Голова и грива лошади обыкновенно убраны лентами, того же цвѣта, какъ куртка сѣдока, сѣдло и стремена восточныя; на ѣздокѣ цвѣтная, вышитая пестрыми арабесками куртка, синія или коричневыя въ обтяжку короткія штаны съ множествомъ металлическихъ пуговицъ по боковымъ швамъ; высокія до колѣнъ кожаныя штиблеты *(polaina)*, узорчато прошитыя шолкомъ, кисточками связанныя сверху и снизу икръ и открытыя въ срединѣ, такъ чтобъ видѣнъ былъ тонкій, бѣлый чулокъ *à jour;* низкая съ загнутыми полями набекрень надѣтая шляпа. Мнѣ вѣроятно случится неразъ говорить вамъ объ андалузскомъ костюмѣ: несмотря на свою общепринятую форму, онъ удивительно разнообразенъ; каждый слѣдуетъ въ немъ своей фантазіи. И возлѣ такого щегольского *caballero*, у какого-нибудь мавританскаго портика, надъ которымъ раскинулись вѣтви пальмы, нѣсколько оборванныхъ нищихъ укрывались отъ солнца и съ гордымъ достоинствомъ смотрѣли на проѣзжаго иностранца. Я незнаю, какъ эти люди живутъ, но изъ всѣхъ нищихъ на свѣтѣ испанскій всѣхъ менѣе докучливъ и никогда нетеряетъ своего достоинства.

Въ Андалузіи женщины выходятъ изъ домовъ только по вечерамъ, съ 8 и 9 часовъ; днемъ ихъ видно очень мало; у всѣхъ, которыя мнѣ попадались, были въ волосахъ съ боку свѣжіе цвѣты. Какія тонкія черты, что за чудный очеркъ головы и лица, какая невыразимая живость физіономій! Въ манерахъ и движеніяхъ андалузянокъ есть какая-то ловкость, какая-то удалая грація.... это-то и называютъ Испанцы своимъ непереводимымъ *sal espanola* (соль испанская). Я уже говорилъ вамъ объ этомъ народномъ выраженіи, но и теперь все-таки неумѣю опредѣлить его.... Это не французская грація, не наивность и простодушіе нѣмецкія, не античное спокойствіе красоты итальянской, не робкая и скучающая кокетливость русской дѣвушки... это въ отношеніи внѣшности тоже, что остроуміе относитель-

но ума. Разумѣется невсѣ женщины отличаются этою *sal espanola*, но зато у всѣхъ увлекательно дерзкій взглядъ и горячо-блѣдныя лица....

Кордова недаромъ была столицею самой блестящей эпохи мавританскаго владычества въ Испаніи: они выстроили здѣсь свою знаменитую мечеть. На этой прекрасной, исполненной класическихъ воспоминаній землѣ развился одинъ изъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ магометанской жизни. Постоянная борьба съ христіянскими владѣтелями обнаружила въ испанскихъ арабахъ какой-то особенный рыцарственный характеръ, далеко превосходившій своими доблестями ихъ христіянскихъ соперниковъ. Еслибъ въ исторіи всегда побѣждали не смѣлость, сила и хитрость, а честность, образованность и трудолюбіе, то конечно арабы и теперь еще оставались бы владѣтелями Испаніи! Исторія незнаетъ никакого другого права, кромѣ силы и хитрости.

Я незнаю ничего фантастичнѣе въ исторіи человѣчества, какъ это внезапное явленіе, этотъ чудный блескъ и исчезновеніе мавританскаго племени! Давно кочевали арабы въ Азіи бродячими племенами, занимаясь скотоводствомъ, земледѣліемъ и разбоемъ или нанимаясь въ службу у азіятскихъ и африканскихъ владѣтелей. Въ 610 году, по Р. Х. вдругъ просыпаются они на голосъ Магомета. Неслыханный доселѣ энтузіазмъ потрясъ дикія племена пустынь; до того времени неподвижныя, они встаютъ, какъ неотразимый вихрь, разносить по всей землѣ слово пророка. Въ нѣсколько лѣтъ исламизмъ владѣетъ уже отъ береговъ Атлантическаго океана до Гангеса. Но тутъ же совершается и перерожденіе ихъ воинственнаго духа: вдругъ овладѣваетъ ими страсть къ ученью, къ знаніямъ, и тѣ же самые люди, которые въ пылу фанатизма сожгли великолѣпную библіотеку Александріи, начинаютъ теперь съ жадностію отыскивать и собирать памятники греческой и римской мудрости и распространять ихъ во множествѣ переводовъ. Знаменитый въ восточныхъ сказкахъ Арунъ-аль-Рашидъ принимаетъ въ Багдадѣ ученыхъ всѣхъ земель, безъ различія вѣры, ободряетъ и награждаетъ ихъ; сынъ его Аль-Мамунъ посвящаетъ всю свою жизнь, все свое богатство на служеніе наукамъ, дѣлаетъ изъ двора своего академію, всюду заводитъ у себя школы и, побѣдивши греческаго императора Михаила III, заставляетъ его купить миръ данью, состоящею изъ греческихъ книгъ!... Самая исторія этого благороднаго племени походитъ на сказку тысяча одной ночи. Ученыя путешествія, которыя впослѣдствіи предпринимали арабскіе ученые, безпрестанно увеличивали массу сочиненій, вызванныхъ этимъ всеобщимъ направленіемъ къ знаніямъ и ученію. Всѣ сочиненія, какъ свои, такъ и переводныя, тщательно собираемы были въ библіотеки, входъ въ которыя открытъ былъ всякому. Въ од-

ной арабской Испаніи было семдесятъ публичныхъ библіотекъ. Калифъ Аль-Амедъ, наприм., поручалъ управленія главной библіотеки въ Кордовѣ брату своему: это была самая почетная должность въ государствѣ. Биліотека Кордовы была такъ велика, что одинъ каталогъ ея имѣлъ 44 тома, въ 50 листовъ каждый. Арабы занимались астрономіею, медициною, математикою, ботаникою, музыкою, поэзіею; отъ нихъ переняли Испанцы и рыцарство и свою поэзію романсовъ, передавъ ее потомъ провансальскимъ труверамъ....

И всѣ сокровища знанія арабовъ погибли съ ихъ могуществомъ. Этотъ блестящій, поэтическій народъ исчезъ съ лица земли, неоставивъ по себѣ почти никакого слѣда, кромѣ немногихъ памятниковъ и кой-какихъ отрывковъ. Дикій, безумный фанатизмъ духовенства испанскаго хотѣлъ истребить даже самую память объ этомъ народѣ, разжигая противъ него и политическую и религіозную ненависть. Можно ли повѣрить теперь, что послѣ взятія Гренады котолическими королями въ 1492 г. духовенство испанское сожгло съ величайшею торжественностію груды книгъ, принесенныхъ сюда со всѣхъ сторонъ Испаніи на этотъ бѣдственный праздникъ; современные историки считаютъ число томовъ, погибшихъ въ этотъ день въ огнѣ, до милліона пяти тысячъ. Достаточно было, чтобъ рукопись заключала въ себѣ арабскія буквы: проклятое имя корана, которое давали безъ всякаго разбора, тотчасъ же осуждало ее на сожженіе.

Читая исторію арабовъ, и особенно исторію ихъ покоренія и изгнанія изъ Испаніи, нельзя безъ глубокой скорби видѣть, какъ умный, исполненный терпимости народъ, въ высшей степени промышленный, многосторонная образованность котораго начинала уже измѣнять строгую и сухую догму исламизма, побѣждается и изгоняется варварскими, фанатическими Испанцами,—какъ обработанная, богатая, населенная страна предается въ жертву инквизиціи и становится пустынею. А съ другой стороны, если подумать, что это блестящее арабское племя, за 1000 лѣтъ до насъ совершившее столько доблестныхъ подвиговъ, возвысившееся до такой образованности и оставившее по себѣ столь изящные памятники, теперь погружено въ такое глубокое варварство, – то, право, трудно неусомниться въ этомъ такъ называемомъ безконечномъ совершенствованіи, особенно, когда еще видишь, что на мѣстѣ исчезнувшей цивилизаціи владычествуютъ дикость, невѣжество и изувѣрство!

Но обратимся къ старымъ арабамъ.

Новая религія принесла съ собой особый родъ богопочитанія, а оно создало новую форму искусства. Но тогда арабы, какъ и германцы, нахлынувшіе на римскую имперію, неимѣли никакой самостоятельной образованности, и слѣдовательно невольно должны были

взять въ образецъ тѣ формы искусства, которыя нашли въ завоеванныхъ ими странахъ. То были большею частію зданія временъ упадка римскаго зодчества, и притомъ еще въ томъ искаженномъ видѣ, какой придало имъ древне-христіянское искусство. Должно замѣтить, что ихъ-то преимущественно исламизмъ и долженъ былъ взять себѣ въ образецъ: — онъ, также какъ и христіянство, былъ врагомъ языческаго богослуженія. Къ этому присоединился еще и собственно восточный художественный элементъ. Даже на римскихъ постройкахъ въ Азіи и Африкѣ лежалъ всегда болѣе или менѣе ощутительный восточный колоритъ, и весьма естественно, что этотъ восточный элементъ еще болѣе развился у арабовъ въ завоеваніяхъ, при соприкосновеніи ихъ съ старыми образованными народами Азіи. А такъ какъ потомъ арабы начали уже развиваться самостоятельно, то изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ наконецъ образовалось то, что теперь обыкновенно зовется мавританскимъ стилемъ.

По своему источнику, искусство магометанское находится въ близкой связи съ древнехристіянскимъ искусствомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно отличается отъ него въ одномъ, и это одно такъ важно, что черезъ него именно задушено было въ самомъ зернѣ своемъ все дальнѣйшее совершенствованіе мусульманскаго искусства. Магометъ до такой степени боялся, чтобъ арабы неворотились къ своему прежнему идолопоклонству, что непремѣннымъ догматомъ корана запретилъ правовѣрнымъ представлять въ живописи и ваяніи людей и животныхъ. Вотъ причина, почему эти оба искусства были совершенно пренебрежены арабами. Ихъ искусство самое любимое, самое задушевное — была поэзія. Изъ представительныхъ же искусствъ оставалась имъ одна архитектура; въ ней одной принуждена была въ внѣшнихъ формахъ разыгрываться пламенная фантазія ихъ. Но архитектура неразрывно связана съ религіозными идеями. Религіозныя же идеи арабовъ кружились около: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его; Богъ единъ, Богъ всемогущъ, накажетъ злыхъ, наградитъ добрыхъ». При такомъ одинакомъ догматѣ, негдѣ было разыгрываться религіозному воображенію; при этомъ ни миѳовъ, ни религіозныхъ преданій, — одно голое, сухое единство. Вотъ отчего архитектурные памятники арабовъ далеко несоотвѣтствуютъ ихъ высокой образованности. Архитектура ихъ имѣетъ характеръ однообразный и совершенно чужда развитія, какое мы видимъ въ архитектурахъ древнихъ и новыхъ народовъ, которыхъ религіозныя понятія по разнообразію своему и многосторонности непремѣнно должны были принять миѳологическую форму и съ нею поэтическое содержаніе, а слѣдовательно и развитіе.

Итакъ, тогда какъ христіянство давало созданіямъ своихъ худож-

никовъ новое, разнообразное и глубокое содержанiе, исламизмъ видѣлъ въ этихъ созданiяхъ одно только преступное подражанiе божественной творческой силѣ. И народу, одаренному самою пламенной фантазiей, магометанство навсегда закрыло высшую сферу искусства, ту, гдѣ художникъ свободно воплощаетъ индивидуальную мысль свою! На мѣстѣ образнаго представленiя, которое въ религiяхъ и искусствахъ всѣхъ народовъ даетъ такое характеристическое значенiе памятникамъ, у арабовъ выступаетъ самая отвлеченная изъ всѣхъ эмблемъ, самое противоискусственное средство — писанiе, коранъ. Впрочемъ, навсегда оставшись при однихъ формахъ древне-христiянскаго зодчества, арабская архитектура запечатлѣла ихъ своимъ особеннымъ характеромъ. Я имѣю здѣсь въ виду высшее выраженiе мусульманской архитектуры — ея религiозные памятники — мечети. Въ нихъ особенно замѣтны два стиля: одинъ принадлежитъ древне-христiянской базиликѣ, другой болѣе приближается къ стилю византiйскому. Памятники перваго находятся въ Европѣ; второй, сдѣлавшiйся потомъ общимъ мусульманскимъ, принадлежитъ Востоку. Но этимъ первообразамъ своей архитектуры арабская фантазiя слѣдовала нерабски, она преобразила ихъ по-своему, примѣшавъ еще къ нимъ нѣкоторыя формы архитектуры индѣйской. Всего болѣе оригинальность арабской фантазiи выразилась въ украшенiяхъ, въ подробностяхъ, гдѣ надобно было избѣгать всякихъ опредѣленныхъ формъ и образовъ, находящихся въ природѣ. То была задача, достойная фантазiи, и она чудно разрѣшила ее, создавъ свои безконечно клубящiяся и перевивающiяся вершины линiй и фигуръ, извѣстныхъ теперь подъ названiемъ арабесковъ.

Мечеть въ Кордовѣ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ постройкамъ арабовъ: она начата была въ концѣ восьмого вѣка, вскорѣ послѣ завоеванiя Кордовы. Первымъ дѣломъ арабовъ при завоеванiи всякаго города было тотчасъ же построить мечеть и завести школу. Въ противоположность всѣмъ народамъ арабы, какъ въ своихъ колоссальныхъ памятникахъ, такъ и въ простыхъ домахъ нетолько пренебрегали наружностiю, но словно съ намѣренiемъ дѣлали ее какъ можно проще, какъ можно обыкновеннѣе, сосредоточивая всю роскошь украшенiй на одну внутренность зданiя. Такъ наружность мечети (она до сихъ поръ удержала свое названiе *mezquita*) нисколько неприготовляетъ къ тому поразительному впечатлѣнiю, которое испытываешь войдя въ нее. Вдругъ вступаешь въ лѣсъ мраморныхъ колоннъ, глаза разбѣгаются въ безчисленныхъ рядахъ ихъ, теряющихся въ сумрачной дали; рѣдкiя, маленькiя окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полу-сумракъ, царствующiй здѣсь, еще болѣе увеличиваетъ необыкновенность впечатлѣнiя. Верхъ этого огромнѣйшаго

храма состоитъ изъ полукруглыхъ (подковою) аркъ (прорѣзанныхъ такой же формы маленькими арками), опирающихся на колонны изъ бѣлаго, жолтаго, зеленаго мрамора, яшмы, порфира. Самымъ любимымъ украшеніемъ испанскихъ мавровъ была эта арка подковою; они расточали ее всюду. Спокойная и мягкая форма полукруга, употребляемая античнымъ и древне-христіянскимъ искусствомъ, словно неудовлетворяла ихъ: тревожный духъ восточныхъ племенъ требовалъ формы, которая представляла бы глазамъ живую игру силы; и дѣйствительно въ арабской аркѣ есть что-то кокетливое, смѣлое, игривое. Нестану говорить о прежнихъ украшеніяхъ мечети; довольно сказать, что и теперь еще, несмотря на христіянскую передѣлку средины ея, здѣсь осталось болѣе 900 колоннъ! При арабахъ храмъ днемъ и ночью освѣщался висячими лампадами; ихъ было слишкомъ четыре тысячи.

Словно ходишь по густому лѣсу колоннъ, разросшихся въ безчисленные, переплетающіеся своды. Онѣ не очень высоки, но чрезвычайно легки, изящны, и безъ пьедесталей, — кажется словно ростутъ изъ земли. Колонны бо̀льшею частію взяты изъ античныхъ зданій, частію сдѣланы по ихъ образцу, но съ примѣсью арабской фантазіи. Надъ ними и подъ навѣсомъ главныхъ аркъ находятся еще небольшія четырехугольныя колонки, соединенныя межь собою полукруглыми маленькими дугами, и сверхъ всего плоская дубовая крыша, нѣкогда украшенная роскошными рѣзными, золочеными арабесками. До 1528 года мечеть оставалась нетронутою, хотя и обращенною въ церковь, но тогда духовенство Кордовы, несмотря на сопротивленіе городового совѣта, выпросило у Карла V позволеніе продѣлать окно, и вмѣсто окна сдѣлало въ самой срединѣ мечети огромный придѣлъ, по величинѣ своей настоящій храмъ въ готическомъ стилѣ. Умный Карлъ V, узнавши объ этомъ, очень жалѣлъ, что несохранили вполнѣ такого колоссальнаго и единственнаго въ Испаніи памятника арабскаго религіознаго зодчества. Христіянская пристройка удивительно грандіозна: испанскій готизмъ отличается отъ германскаго своими великолѣпными, широкими формами, торжественностію и ясностію, но переходъ изъ этого высоко и свѣтло вскинутаго свода въ низкіе, разсыпающіеся и уходящіе въ сумрачную даль своды мечети производитъ непріятное впечатлѣніе. Вездѣ въ другомъ мѣстѣ эта пристройка составила бы превосходной соборъ (особенно замѣчательны тутъ деревянные рѣзные хоры испанскаго художника *Pedro duque Cornejo*, надъ которыми трудился онъ десять лѣтъ — работа истинно мастерская), но здѣсь она нарушаетъ только удивительное впечатлѣніе зодчества восточнаго. Кромѣ этого маленькіе придѣлы обезображиваютъ невыразимую простоту араб-

скаго храма, въ которомъ все дышало единствомъ Бога и отвращеніемъ къ идолопоклонству. Къ счастію оставили они возлѣ своихъ олтарей нѣкоторые слѣды богослуженія мечети: три или четыре фонтана, служившіе для омовенія, и *mirhab*, часовню созерцанія: довольно большую нишь, означавшую во всѣхъ мечетяхъ ту сторону, гдѣ находится Мекка; сюда должны были обращаться правовѣрные въ своихъ молитвахъ. Надобно видѣть, съ какою изящною роскошью украсила ее арабская фантазія! Вся она изъ самаго чистаго бѣлаго мрамора съ маленькими колонками, окруженными мозаикою изъ цвѣтныхъ кристаловъ; всюду разбросаны изрѣченія корана; буквы изъ золоченыхъ кристаловъ, и около всего этаго вьются самые роскошные, самые капризные арабески.

Почти въ одно время съ мечетью, за пять миль отъ Кордовы, на берегу Гвадалквивира выстроенъ былъ арабами дворецъ. По сказаніямъ арабскихъ историковъ, это было зданіе великолѣпія удивительнаго, съ 4,300 колоннами. Теперь отъ него неосталось ни малѣйшаго слѣда. Да и сама Кордова при мавританскомъ владычествѣ имѣла 200,000 домовъ, 90,000 дворцовъ и 900 бань; 12,000 деревень служили ей предмѣстьями. Теперь въ Кордовѣ едва ли есть 30,000 жителей, городъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Къ невѣжеству и фанатизму Испанцевъ присоединилось еще и землетрясеніе, которое въ 1589 году разрушило бо̀льшую часть города.

Гостинница, въ которой стою я, есть вмѣстѣ и кофейная; хозяинъ — французъ, оставшійся въ Испаніи послѣ 1823 г. Ея мавританскій съ тонкими, изящными колоннами дворъ *(patio)*, густо покрытый виноградомъ съ огромными темными кистями, даетъ днемъ самую отрадную прохладу, которую еще увеличиваетъ бьющій посереди фонтанъ, обсаженный криномъ; по вечерамъ эти великолѣпные цвѣты имѣютъ запахъ упоительный, страшно раздражающій нервы и воображеніе.... Днемъ *patio* обыкновенно пустъ, вечеромъ наполняется женщинами и мужчинами, приходящими освѣжаться апельсиннымъ, слегка замороженнымъ сокомъ *(naraujada)*. Я по обыкновенію, гдѣ можно, завтракаю и обѣдаю почти одними плодами; теперь время разнаго рода фигъ, дынъ, гранатовъ, винограда; но... увы! здѣшніе плоды такъ сладки, что нѣтъ возможности ихъ ѣсть, и я тоскую по арагонскимъ персикамъ. Жители Кордовы теперь заняты на дняхъ растрѣляннымъ здѣсь атаманомъ разбойниковъ, и я по этому случаю наслышался много подробностей о разбойникахъ испанскихъ. Но объ этомъ классическомъ предметѣ надобно говорить обстоятельно. Сегодня вечеромъ долженъ проѣхать здѣсь дилижансъ, въ которомъ я авось найду мѣсто до Севильи. Вотъ уже недѣля, какъ живу въ этой унылой Кордовѣ, и еслибъ не это длинное письмо къ вамъ, я давно бы смертельно соскучился. Зато вы потерпите за меня.

Посылаю къ вамъ его изъ Севильи, куда пріѣхалъ вчера, и засталъ великолѣпнѣйшую *corrida de toros* (бѣгъ быковъ): семь быковъ и 22 лошади остались на мѣстѣ; но эта *corrida* такъ поразила и взволновала меня, что я рѣшительно не въ состояніи теперь писать къ вамъ. До слѣдующаго письма.

Севилья, Сентябрь.

Находясь въ самомъ сердцѣ Андалузіи, могу наконецъ положительно сказать вамъ: красота испанской природы, о которой столько наговорили намъ поэты, есть неболѣе какъ предразсудокъ. Я разумѣю здѣсь красоту природы въ томъ смыслѣ, какъ представляютъ ее себѣ видѣвшие Италію. Правда, на югѣ Испаніи растительность такъ грандіозна и могущественна, что передъ ней растительность самой Сициліи кажется сѣверною, но это только рѣдкими мѣстами: африканское солнце, такъ сказать, насквозь прожигаетъ эту землю; въ Алмеріи, напримѣръ, уже три года какъ небыло дождя, и жители южныхъ береговъ Испаніи безпрестанно переселяются во французскія владѣнія Африки. Здѣсь часто случается, что на три мили въ окружности невозможно найти воды. Недумайте однакожь, чтобъ эта пламенная природа неимѣла своей особенной, только ей одной свойственной красоты. Она здѣсь неразлита всюду, какъ въ Италіи; въ ней нѣтъ ея мягкихъ, ласкающихъ формъ: здѣсь она или уныла и дика, или поражаетъ своею тропическою, грандіозною роскошью. По дорогѣ изъ Кордовы въ Севилью, напримѣръ, возлѣ иного *cortijo* (*) нѣтъ ничего кромѣ одинокаго апельсиннаго дерева; но надобно видѣть, что это за могучій стволъ и какъ широко раскинулось оно своими густыми вѣтвями: апельсинныя деревья Сициліи покажутся передъ нимъ неболѣе, какъ отростками. Здѣсь каждую минуту чувствуешь, что имѣешь подъ ногами огненную землю, нелюбящую золотой средины, на которой или корчится отъ зноя всякое растеніе, или тамъ, гдѣ влагѣ удастся охладить жгучіе лучи солнца, растительность вырывается на воздухъ, съ такою полнотою красоты и силы, съ такою роскошью, что здѣсь, особенно въ горахъ, эти чудные оазисы середи каменистыхъ пустынь производятъ совершенно особенное, электрическое впечатлѣніе, о которомъ неможетъ дать понятія кроткая и ровная красота Италіи. Здѣсь и пустыня (*despoplado*), и голыя, рдѣющія на солнцѣ скалы, и растительность дышатъ какою-то сосредоточенной, пламенной энергіей.

По дорогѣ изъ Кордовы сюда все напоминало мнѣ, что я нахожусь на другой почвѣ, между другимъ народомъ. Несмотря, что лѣт-

(*) Такъ называются здѣсь маленькія фермы (дворики).

нее солнце жгло здѣсь уже четыре мѣсяца, мѣстами могучая растительность сохранила еще свою густую, темную зелень. Въ 4 часа дилижансъ нашъ остановился обѣдать въ Эсиха, и такъ какъ въ дорогу мы должны были отправиться поздно вечеромъ, то я тотчасъ же послѣ обѣда пошелъ бродить по городу и нечаянно вышелъ на площадь. Мавританскій элементъ нетолько оставилъ глубокіе слѣды въ Андалузіи: онъ сросся здѣсь со всѣмъ, его чувствуешь и въ народныхъ напѣвахъ фанданго, и въ языкѣ, и въ обычаяхъ, и въ привычкахъ. Одежда, домà, улица, физіономія,— все носитъ на себѣ мавританскій типъ. Площадь этого городка окружена домами въ арабско-испанскомъ вкусѣ, ярко расписанными. День былъ воскресный, и площадь была полна народу въ праздничныхъ платьяхъ. Разноцвѣтныя андалузскія куртки съ пестрыми арабесками, короткіе, въ обтяжку триковые штаны, синіе, зеленые, коричневые съ шолковыми кистями, падающими на бѣлые чулки *à jour*, цвѣтные башмаки, пестрый, шолковый платокъ на шеѣ, повязанный въ одинъ разъ, съ концами продѣтыми въ кольцо, низенькая, набекрень шляпа, — весь народъ состоялъ изъ щеголей. Въ этомъ, ловко, въ обтяжку сидящемъ платьѣ, Андалузцы сохраняютъ всю свободу, всю непринужденную грацію движеній. Начинало уже темнѣть; я зашелъ въ первую попавшуюся кофейную освѣжиться отъ удушливаго жара (Эсиха считается самымъ жаркимъ мѣстомъ Андалузіи) и нашелъ тамъ своихъ дорожныхъ товарищей испанцевъ; они пригласили меня сѣсть съ ними. Часа полтора незамѣтно прошли въ разговорахъ; нѣсколько стакановъ слегка замороженнаго апельсиннаго сока (*naranjada*) совершенно освѣжили меня; время было отправляться къ дилижансу. Я отдаю слугѣ деньги – *esta pagado, caballero* (заплачено) отвѣчаетъ онъ. Я взглянулъ на моихъ трехъ товарищей, никто изъ нихъ неподавалъ виду, что заплатилъ за меня, даже некого было мнѣ поблагодарить за эту привѣтливость. Это одинъ изъ множества случаевъ, которые встрѣчаются здѣсь со мной безпрестанно, и какъ повидимому ни ничтожны они, но могутъ встрѣчаться въ одной только Испаніи. Простите, если я надоѣдаю вамъ моими мелкими замѣтками и повтореніями: въ странѣ, нравы и обычаи которой такъ рѣзко разнятся отъ обще-европейскихъ, всякая мелочь невольно какъ-то становится предметомъ особеннаго вниманія.

Я писалъ уже вамъ, что въ самый день моего пріѣзда засталъ я здѣсь великолѣпную *corrida de toros* (Испанцы неназываютъ боемъ, а *бѣгомъ быковъ*). «Какъ кстати вы пріѣхали: сегодня день быковъ!» (*dia de toros*,—такъ называется день, въ который дается бѣгъ.) Этими словами встрѣтилъ меня хозяинъ гостинницы, въ которой остановился я. «Надобно заранѣе взять мѣсто, послѣ недостанешь; ваша милость

охотникъ (*aficionado*)?» — Я никогда еще невидалъ. — «Прекрасно! Нигдѣ въ Испаніи нѣтъ такихъ бѣговъ, какъ въ Севильѣ; сегодня *шпагой* будетъ Чикланеро, ученикъ славнаго Монтеса.» — Наскоро пообѣдавъ, отправились мы въ циркъ. Дорогой встрѣтилъ я моихъ дорожныхъ товарищей Севильянъ — и едва узналъ ихъ: въ дилижансѣ они были въ сюртукахъ, а теперь въ щегольскихъ андалузскихъ костюмахъ.

Наконецъ увидѣлъ я эти знаменитыя корриды! Двѣ корриды въ теченіи двухъ недѣль, — это было слишкомъ для моихъ неопытныхъ нервъ! Съ усиліемъ беру перо, чтобъ разсказать вамъ о моихъ впечатлѣніяхъ.

Ничто неможетъ дать такого полнаго понятія о наслажденіяхъ, страстяхъ, характерѣ и физіономіи испанскаго народа, какъ *corrida de toros*, самое высшее, самое любимое изъ его удовольствій. Никакая заманчивая афиша, никакая новая пьеса невозбудятъ въ народѣ такого живого любопытства, какъ это простое и всегда однообразное объявленіе о бѣгѣ быковъ; извощикъ, *cigarrera* (*), водоносъ пообѣдаютъ кускомъ хлѣба съ чеснокомъ или даже вовсе небудутъ обѣдать, но ужь ни-за-что непропустятъ бѣга. За четыре дни красныя афиши извѣщаютъ объ имѣющемъ быть *corso de toros;* тутъ же подробно объявляется, сколько быковъ будутъ поодиначкѣ выпущены въ циркъ, съ означеніемъ, съ какого каждый пастбища и кому принадлежитъ; затѣмъ слѣдуютъ имена *picadores* (сражающихся на лошади съ копьями) и *matadores* (убивающихъ быка шпагами), участвующихъ въ боѣ.

Plaza de toros находится за городомъ: это большой циркъ, выстроенный амфитеатромъ и окруженный ступенями, безъ крыши, вслѣдствіе чего мѣсто въ тѣни дороже мѣстъ на солнцѣ; для высшаго общества назначена верхняя галлерея: это самыя дорогія мѣста. Деревянный барьеръ, укрѣпленный толстыми столбами, отдѣляетъ отъ поля сраженія пространство шага въ два ширины: здѣсь убѣжище *toreros*, — общее названіе каждаго участвующаго въ циркѣ въ боѣ съ быкомъ. Когда быкъ сильно тѣснитъ или настигаетъ ихъ, они, поставя ногу на уступъ, сдѣланный въ заборѣ, прыгаютъ черезъ него съ удивительною быстротою и ловкостію.

Больше десяти тысячъ зрителей занимаютъ ступени и галлерею амфитеатра, и, смотря на всѣ эти оживленныя лица, на страстность движеній, разговоровъ, физіономій, вамъ бы трудно было узнать здѣсь тѣхъ Испанцевъ, которыхъ вы считаете такимъ важнымъ и серьёзнымъ народомъ. Никакой театръ въ мірѣ неможетъ дать ма-

(*) Женщина, работающая на сигарной фабрикѣ.

лѣйшаго понятія о томъ страстномъ ожиданіи, объ этомъ тревожномъ одушевленіи, какихъ исполнена публика передъ начатіемъ бѣга: да и дѣло здѣсь, правда, идетъ не о Рубини, не о Гризи или Фредерикѣ Леметрѣ, а о Севильѣ-Пикадорѣ, о Чикланеро, *la primera espada de España* (первая шпага Испаніи), послѣ знаменитаго Монтеса, а наконецъ и сами дикіе быки: это тоже трагедіи очень почтенныя! Докторъ и хирургъ прибыли, священникъ съ дарами занялъ мѣсто въ кулисахъ театра, пикадоры уже на лошадяхъ въ аренѣ; коррехидоръ (начальникъ города) подалъ знакъ изъ своей ложи, труба заиграла, ворота барьера отворились.

Быкъ, выходя изъ своего темнаго стойла, ослѣпленъ свѣтомъ, оглушенъ криками толпы: бодро выбѣгаетъ онъ на арену, съ любопытствомъ поднимаетъ голову, осматривается. Онъ пошелъ направо — это плохой быкъ: хорошій быкъ долженъ тотчасъ же броситься на пикадора. Быкъ снова останавливается, съ удивленіемъ смотритъ вокругъ, понурилъ голову и сталъ взметывать песокъ передними ногами. По всему видно, что онъ нехочетъ биться; надобно будетъ раздражить его. *Chulos* подбѣгаютъ, размахивая своими кàпами (*); пикадоръ подъѣзжаетъ, становится передъ нимъ: быкъ долженъ биться.

Пикадоръ сидитъ на скверной лошади, глаза у ней завязаны. Онъ вооруженъ копьемъ, котораго остріе длиной съ булавку можетъ только уколоть, но неранить быка; одежда его состоитъ изъ широкихъ замшевыхъ панталонъ, подбитыхъ желѣзомъ и деревомъ, которыя защищаютъ ноги отъ ударовъ роговъ; отъ этого пѣшкомъ онъ едва можетъ передвигать ноги, и когда бываетъ опрокинутъ вмѣстѣ съ лошадью, то не въ силахъ подняться безъ пособія *chulos*; на немъ андалузская куртка и сѣрая съ большими полями шляпа. Сѣдлà у нихъ высокія, турецкой формы, стрѣмена желѣзныя, на манеръ высокихъ галошъ; только съ помощію длинныхъ и острыхъ шпоръ управляютъ они своими бѣдными клячами. Пикадоръ становится всегда такъ, чтобъ имѣть быка съ правой стороны: когда быкъ бросается на лошадь и нагибаетъ голову для удара, пикадоръ долженъ остановить этотъ взмахъ упоромъ копья *непремѣнно* въ затылокъ и въ ту же минуту отъѣхать влѣво. Если лошадь легка и поворотлива, а пикадоръ силенъ и искусенъ, то ударъ минуетъ лошадь: но это случается очень рѣдко. Если же пикадоръ неумѣлъ хорошо стать, если ударъ копья сдѣланъ неловко и немѣтко — горе и ѣздоку, а главное горе лошади! Быкъ поднимаетъ ее на рога и опрокидываетъ вмѣстѣ съ ѣздокомъ. Но въ это мгновеніе *chulos* окружаютъ ихъ: одни поднимаютъ пикадора, другіе, махая красными кàпами передъ глазами

(*) *Capa* на языкѣ цирка называется кусокъ красной ткани, махая которою chulo раздражаетъ быка.

быка, стараются отвлечь его вниманіе отъ пикадора: глупое животное бросается на нихъ, *chulos* мгновенно разсыпаются въ стороны. Но разъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, съ этимъ же знаменитымъ пикадоромъ Хуаномъ Севилья случилось слѣдующее: выпущенный въ арену быкъ былъ превосходной андалузской породы, силы и легкости неимовѣрной. Грозно выбѣжавши на арену, онъ тотчасъ же напалъ на пикадора, нанесъ лошади страшный ударъ рогами и опрокинулъ ее вмѣстѣ съ сѣдокомъ. *Chulos* по обыкновенію бросились отвлекать его въ сторону; но быкъ, противъ обыкновенія, необращая на нихъ вниманія, устремился на пикадора, съ дикою яростью началъ его топтать, бодать рогами въ ноги; и вдругъ, замѣтя, что удары его только скользили по нимъ, онъ перескакиваетъ на другую сторону и наклоняетъ голову: ударъ рога приходился пикадору прямо въ грудь. Хуанъ Севилья, мгновенно приподнявшись съ отчаяннымъ усиліемъ, одною рукою схватываетъ быка за ухо, а другою запускаетъ ему кольца въ ноздри и въ тоже время прижимаетъ свою голову къ головѣ бѣшенаго животнаго.... Напрасно быкъ его трясъ, топталъ ногами, билъ объ землю: никакими усиліями немогъ онъ освободиться отъ пикадора, и наконецъ, побѣжденный человѣкомъ въ этой страшной борьбѣ, обратился на *chulos*. Севилья отпустилъ его; всѣ думали, что его подымутъ замертво; но только что поставили его на ноги, какъ взбѣшенный Севилья выхватываетъ у одного *chulos* капу и, едва переступая ногами, отъ тяжести своихъ подбитыхъ желѣзомъ панталонъ, хочетъ снова привлечь къ себѣ быка. Насильно вырвали у него капу. Ему подвели лошадь: дрожа отъ гнѣва, бросается онъ съ копьемъ своимъ на быка, середи цирка, нерасчитывая своего положенія. Сшибка двухъ противниковъ была ужасна, и быкъ и лошадь пали на колѣни....

Согласитесь, что здѣсь слава неpріобрѣтается даромъ.

Обыкновенно въ циркѣ два пикадора; два и три другихъ ждутъ за барьеромъ, чтобъ замѣнить ихъ въ случаѣ смерти, раны или сильнаго ушиба. Двѣнадцать *chulos* разсыпаны на аренѣ; они всѣ пѣшкомъ и должны безпрестанно помогать другъ другу. Одни изъ нихъ, какъ я сказалъ, отвлекаютъ быка, другіе поднимаютъ пикадора и раненую лошадь: рога быка цѣликомъ проткнули ей животъ.... Вы думаете, что она недвинется уже съ мѣста? – Напротивъ: что нужды, что бѣдное животное ранено на смерть, что кровь льется изъ двухъ ея зіяющихъ ранъ, что внутренности ея висятъ и влачатся по землѣ, что ея ноги путаются въ нихъ, — ничего: пока лошадь можетъ держаться на ногахъ, она годится еще для одного удара. Если лошадь подняться не въ состояніи, пикадоръ выходитъ съ арены и тотчасъ же въѣзжаетъ на нее на свѣжей лошади.

Андалузскіе быки знамениты своею дикою яростію: они невысоки, съ ногами очень тонкими и такъ легки, что догоняютъ лошадь на бѣгу и иногда перепрыгиваютъ черезъ трехъ-аршинный барьеръ; шерсть у нихъ гладкая и лоснящаяся, рога длинные и заостренные. Если быкъ хорошъ, — на языкѣ цирка это значитъ нетрусъ, — то одинъ оставляетъ на мѣстѣ пять и шесть лошадей и какъ мячи катаетъ пикадоровъ по землѣ. Тогда-то раздаются страстныя рукоплесканія: — *bravo, bravo toro!* кричатъ со всѣхъ сторонъ. Но неумеръ ли пикадоръ? неушибся ли, нераненъ ли? Э! объ этомъ никто незаботится; это дѣло священника и хирурга. Правда, что это нечасто случается, да главное въ томъ, что объ этомъ никто недумаетъ. Но какъ хорошъ, какъ красивъ быкъ, когда опрокинувъ трехъ, четырехъ пикадоровъ, онъ одинъ гордо бѣгаетъ по завоеванной имъ аренѣ! *chulos* несмѣютъ болѣе раздражать его; его бѣшеные, налившіеся кровью глаза исполнены дикаго торжества; арена пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ имъ лошадей; въ ярости онъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные рога свои, взбрасываетъ, раздираетъ.....

Подаютъ знакъ бандерильерамъ.

Ловкіе, быстрые, увертливые, одѣтые великолѣпно, на манеръ Фигаро въ Севильскомъ цирюльникѣ, — шолковые чулки, башмаки, атласная съ шитьемъ куртка и штаны, — бандерильеры *(banderilleros)* выбѣгаютъ на арену, держа въ рукахъ двѣ коротенькія палочки, или, точнѣе, стрѣлки съ загнутымъ остріемъ, обернутыя цвѣтной разрѣзанной бумагою. Бандерильеро прямо бѣжитъ къ быку, который, удивленный такою дерзостію, вскачь бросается на него. Ужь быкъ держитъ его почти между рогами; но въ ту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобъ поразить его, бандерильеро втыкаетъ ему двѣ свои стрѣлки, по обѣимъ сторонамъ шеи, быстрымъ, мгновеннымъ, невѣроятно увертливымъ движеніемъ корпуса уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Замѣтьте, что онъ неможетъ воткнуть свои стрѣлки иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между рогами его. Какое-нибудь развлеченіе, малѣйшая нерѣшимость, сомнѣніе тотчасъ могутъ погубить его. За однимъ бандерильеро, при мнѣ, быкъ бросился въ погоню; ужь бандерильеро поднималъ одну ногу на барьеръ, какъ быкъ настигъ его и взбросилъ на воздухъ.... бандерильеро всталъ невредимъ, только атласная куртка на лѣвомъ боку была разорвана: онъ попалъ между рогами. Если бандерильеро, втыкая стрѣлки, по несчастію упалъ, то долженъ лежать безъ движенія. Быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, а потому, что, нанося ударъ, онъ бо́льшею частію закрываетъ глаза и такимъ образомъ пройдетъ по человѣку,

незамѣтя его. Но иногда онъ останавливается, начинаетъ его обнюхивать, точно ли онъ мертвъ, и потомъ, отойдя нѣсколько, наклоняетъ голову, чтобъ поднять его на рога. Но *chulos* и товарищи бандерильеро тотчасъ же отвлекаютъ его въ сторону.

Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ стрѣлокъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ ихъ, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеро и втыкаетъ ему двѣ другія стрѣлки, потомъ третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ, если онъ нетотчасъ же нападаетъ на пикадоровъ, а болѣе отходитъ отъ нихъ въ сторону, — *fuego, fuego!* (огня, огня!) раздается со всѣхъ сторонъ, — надобно раздражить быка огнемъ. Тогда бандерильеры втыкаютъ ему стрѣлки, обвитыя фейерверкомъ съ фитилемъ изъ тлѣющаго трута. Фейерверкъ загарается, трещитъ, хлопаетъ, жжетъ шею быка, — и что за прыжки, что за удивительные скачки тогда дѣлаетъ быкъ, и что за безумный хохотъ овладѣваетъ зрителями!

Наконецъ ярость животнаго достигла высшей степени, и теперь только должна начаться настоящая битва, битва одинъ на одинъ: — звукъ трубы вызываетъ матадора. Бѣшеное животное мечется по аренѣ, *chulos* и *banderilleros* скрылись, арена пуста. Тогда входитъ на нее матадоръ въ самомъ великолѣпномъ андалузскомъ костюмѣ, красный плащь небрежно накинутъ на лѣвое плечо, въ правой рукѣ держитъ онъ короткую шпагу, въ лѣвой красное покрывало *(muleta)*. Онъ идетъ съ важностію, каждый шагъ его обдуманъ и расчитанъ. Онъ шпагой отдаетъ честь коррехидору, городовому правленію, и останавливается.

Тутъ наступаетъ минута торжественная. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, едва завидя матадора, бѣжитъ на него — и, словно почуя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, расчитываетъ свой ударъ. Чикланеро молодъ, прекрасенъ, одѣтъ въ атласъ, бархатъ и золото, гибокъ, сложенъ удивительно. Онъ сбрасываетъ съ плеча красный плащь; каждое движеніе его исполнено рѣшительности и хладнокровія. Подумайте объ игрѣ, которую играетъ этотъ человѣкъ, подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постелѣ, а почти всѣ оканчиваютъ жизнь свою на полѣ битвы! и отчего зависитъ его жизнь? отъ одного невѣрнаго шага, отъ одного чуть-чуть уклончиваго движенія быка, отъ малѣйшаго камешка, который покатится у него подъ ногами. Ошибка въ расчетѣ на одинъ шагъ, — и его ждетъ неизбѣжная смерть: онъ сдѣлаетъ два круга по аренѣ — на рогахъ у быка, какъ это случилось съ Ромеро, въ свое время «первой шпагой Испаніи». Удаляясь на старости лѣтъ на родину, честно жилъ онъ плодами своихъ прежнихъ подвиговъ, какъ, незнаю по случаю

какого-то торжества, Марія Луиза, жена Карла IV и мать покойнаго короля, желая придать этому торжеству больше блеска, непремѣнно захотѣла, чтобъ Ромеро участвовалъ въ «бѣгѣ быковъ», назначенномъ по этому случаю. Ромеро отказался: — я ужь состарѣлся; Богъ сохранилъ меня отъ стольких опасностей, недолжно искушать милосердіе божіе». Но тутъ замѣшался капризъ женщины и королевы, надобно было сдѣлать по ея желанію, и глава матадоровъ погибъ жертвою своей сговорчивости. Неизвѣстно что́ именно, какой неожиданной случай обманулъ его опытность и обычную ловкость: быкъ уловилъ его, поднялъ на рога и, словно зная какого врага побѣдилъ онъ, бѣшено помчался съ нимъ по аренѣ, показывая зрителямъ кровавый трофей свой.

Но въ корридахъ есть свои законы, какъ въ дуэли: нарушить ихъ также постыдно, какъ постыдно измѣннически убить своего противника; напримѣръ, матадоръ долженъ наносить быку ударъ неиначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ. Ударъ доле́нъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу, сбоку или сзади. Шпага матадора недлинна, но широка, толста и остра съ обѣихъ сторонъ; рукоять ея очень мала, для того, чтобъ при ударѣ можно было упирать ее въ ладонь. Но чтобъ убить быка, матадоръ долженъ сперва узнать въ подробности его характеръ. Отъ этого знанія зависятъ нетолько слава и мастерство, но самая жизнь матадора. Каждый быкъ имѣетъ свой особенный характеръ, который необходимо узнать. Быки вообще раздѣляются на прямыхъ, простыхъ, ясныхъ *(trancos, seneillos, claros)*, на раздражительныхъ *(de sentido)* и хищныхъ *(abantos)*; на тѣхъ, которые легко поддаются обману мулеты (кусокъ красной ткани на деревѣ, которую держитъ матадоръ въ лѣвой рукѣ), и на такихъ, которые, напротивъ, неупускаютъ изъ виду движеній человѣка. Есть быки коварные *(cobardes)*, которые наносятъ удары неожиданные, неподавая о нихъ прежде ни малѣйшаго вида. Кромѣ этого бываютъ быки, которые хорошо видятъ вблизи и дурно вдали, и наоборотъ, наконецъ такіе, которые хорошо видятъ однимъ глазомъ и дурно другимъ, и проч. Всѣ эти особенности каждаго быка долженъ всякой *torero*, а тѣмъ болѣе матадоръ, изучить тутъ же на мѣстѣ, въ аренѣ, потому-что первое и необходимое условіе бѣга, чтобъ быки никогда прежде небыли въ циркѣ, даже для шутки, какъ это случается на деревенскихъ праздникахъ съ молодыми быками *(novillos)*, о чемъ я уже говорилъ вамъ. Такого рода опытный быкъ дѣлается очень опаснымъ.

Нельзя представить себѣ ничего увлекательнѣе этого страшно волнующаго зрѣлища, когда матадоръ и быкъ приближаются другъ къ

другу, каждый наблюдаетъ за своимъ противникомъ. Безпрестанно мѣняютъ они свои маневры, словно отгадывая взаимныя намѣренія. Иногда быкъ нетотчасъ устремляется на матадора, а подходитъ медленно, чтобъ взять себѣ больше пространства и напасть на своего противника только тогда, когда онъ будетъ къ нему такъ близко, что неможетъ уклониться отъ натиска. Словно по какому-то предчувствію быкъ невдругъ бросается на матадора: или можетъ быть это спокойное, грозное по своему хладнокровію ожиданіе его удара внушаетъ быку нѣкоторую робость. Почти всегда онъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; съ видомъ угрозы трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и нехочетъ двинуться впередъ; иногда начинаетъ медленно отступать, стараясь привлечь матадора на средину цирка, гдѣ онъ не въ состояніи отъ него уйти. Иной быкъ, вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію нападать прямо, подходитъ съ боку медленно, прикидываясь усталымъ, и расчитавъ удобное для удара разстояніе, вдругъ, мгновенно бросается на матадора. Но это исключеніе; бо̀льшею частію быкъ останавливается прямо передъ нимъ. Оба стоятъ какъ вкопанные; каждый слѣдитъ за движеніями своего противника. Малѣйшее движеніе головою, ухомъ, взглядъ въ сторону, все это для опытнаго и искуснаго матадора вѣрные признаки намѣреній его врага. Матадоръ взмахиваетъ мулетой и опускаетъ ее, закрывая ею отъ быка свои ноги. Это движеніе раздражило быка, онъ бросается на матадора: сила взмаха такова, что ударъ кажется разбилъ бы цѣлую стѣну.... легкимъ, почти незамѣтнымъ движеніемъ тѣла уклонился матадоръ отъ удара, подставивъ ему свою мулету и поднявъ ее надъ рогами бѣшенаго животнаго.

Но матадоръ только еще изучаетъ своего врага; нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти такъ называемыя *poses de muleta*, и, уже вполнѣ узнавши быка, располагается нанести ему смертельный ударъ. Онъ становится прямо противъ него и ждетъ. Эти минуты надобно видѣть, надобно испытать ихъ: восклицанія, остроты умолкаютъ; десять тысячъ зрителей словно каменѣютъ; ни одинъ вздохъ непрерываетъ мертвой, томительной тишины. Въ эти минуты юное, прекрасное лицо Чикланеро покрывалось матовою блѣдностью, изъ которой ярко сверкали его большіе, черные глаза, ноздри расширялись. Быкъ дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ къ другу, что матадоръ уже прицѣливается шпагою.... еще секунда — и быкъ бросается.... но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобъ поднять матадора на рога, онъ, черезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается хребетъ.... быкъ вдругъ

прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнули ему на шею, ноги его дрожатъ, подгибаются, быкъ падаетъ безъ движенія. Надобно видѣть, что за минута бѣшенаго восторга слѣдуетъ за томительными, невыносимо-тяжкими минутами битвы! Словно каждый избавился отъ давившаго его кошемара; дикій, необузданный энтузіазмъ овладѣваетъ зрителями, какъ будто каждый празднуетъ свое избавленіе отъ смертной опасности. Что передъ этимъ восторгомъ всѣ возможные восторги театральной публики! никогда никакой актеръ въ мірѣ неполучалъ себѣ такой награды. Съ лицомъ, на которомъ медленно исчезаетъ блѣдность, обходитъ матадоръ циркъ, привѣтствуемый зрителями. Къ нему летятъ шляпы, его встрѣчаютъ восторженныя рукоплесканія: — *bravo, bravo Chiclanero!* Я понимаю, что для такихъ минутъ обожанія можно рисковать жизнію.

Но отличный ударъ случается невсегда; на двѣнадцати убитыхъ быкахъ я видѣлъ его только четыре раза. Если ударъ вѣренъ, то есть если лезвее, пройдя между шеей и хребтомъ, достало до сердца, быкъ тотчасъ падаетъ, словно пораженный молніею; но чаще всего матадоръ принужденъ раза два, иногда три, повторять свой ударъ. Можетъ быть въ энтузіазмѣ зрителей за отличный ударъ участвуетъ и благодарность за избавленіе ихъ отъ непріятнаго зрѣлища смертныхъ страданій быка; чрезвычайно тяжело видѣть, какъ сильно раненый быкъ начинаетъ шататься по аренѣ, пренебрегая *капами chulos*, жалобно мычитъ, захлебываясь своею кровью, ищетъ мѣста умереть, сгибаетъ переднія ноги, ложится, протягиваетъ голову и умираетъ; если же смертныя судороги продолжаются, къ нему сзади подкрадывается *cachetero* и даетъ ударъ кинжала въ затылокъ, чтобъ покончить его страданія. Замѣчательно, что у быка всегда есть любимое мѣсто въ аренѣ, — это то̀, на которомъ онъ остановился тотчасъ по выходѣ изъ стойла въ арену. Иногда съ трудомъ можно заставить его съ него сойти. Бо̀льшею частію онъ идетъ умирать на это мѣсто или ложится возлѣ убитой имъ лошади. Послѣ этого отворяются одни изъ воротъ барьера, выѣзжаетъ пара роскошно убранныхъ муловъ, вывозятъ постепенно трупы убитыхъ лошадей и быка; на кровавые слѣды посыпаютъ песку и впускаютъ новаго быка; такъ продолжается до шести и даже до восьми быковъ. Это называется полу бѣгомъ *(media corrida)*; въ прежнее время полная коррида состояла изъ 16 быковъ.

Я не въ состояніи описать того мучительнаго, невыносимаго волненія, которое овладѣло мною при боѣ матадора съ первымъ быкомъ; при второмъ, третьемъ, четвертомъ оно все усиливалось. Бой каждаго быка не есть одно только повтореніе предъидущаго: я ужь вамъ сказалъ, что каждый быкъ имѣетъ свои особенности, свой харак-

теръ, и потому бой съ каждымъ представляетъ свои случайности, свои неожиданности, каждый бой есть отдѣльная, новая драма. А этотъ красивый, великолѣпный юноша съ своею маленькою шпагою противъ животнаго, разъяреннаго до бѣшенства, — юноша, котораго жизнь зависитъ отъ малѣйшей невѣрности руки, потому-что во время удара одинъ рогъ быка проходитъ у него подъ мышкою и разъ даже вырвалъ у него платокъ, выставившійся изъ кармана на груди.... волненіе мое сдѣлалось невыносимымъ, но я не въ силахъ былъ отвести свои глаза отъ цирка, въ головѣ у меня мутилось, я готовъ былъ упасть въ обморокъ и немогъ дождаться смерти пятаго быка. Когда я вышелъ изъ цирка, солнце закатывалось, въ воздухѣ разливался чудный золотистый паръ, вечерній прохладный вѣтерокъ напоенъ былъ запахомъ апельсинныхъ деревьевъ.

При второмъ бѣгѣ я былъ уже нѣсколько покойнѣе и хотя въ страшномъ волненіи, но могъ досмотрѣть его до конца. Послѣ него выпущенъ былъ въ циркъ молодой быкъ *(novillo)* для забавы зрителей: толпы бросились въ арену. На рогахъ у быка надѣты были деревянные шары, обтянутые кожей, чтобъ удары его немогли быть смертельны. Боже мой! всякой наперерывъ старался раздражить быка плащами, поясами, шляпой; сколько плащей разлетѣлось въ куски, сколько въ этой свалкѣ истопталъ быкъ народу! нѣсколько человѣкъ вынесены были безъ чувствъ. Но зато и сколько смѣху, остротъ, радостнаго хохота....

Недумайте впрочемъ, что достаточно только смѣлости и ловкости, чтобъ избѣгать ударовъ раздраженнаго животнаго: для этого необходима особенная наука. Передо мною лежитъ книга знаменитаго Франческо Монтеса, теперь «первой шпаги Испаніи», подъ названіемъ: *Tauromaquia completa, o' sea el arte de torear en plaza tanto a pie como a caballo* (Полная тавромахія, или искусство биться съ быками въ аренѣ пѣшимъ и на конѣ). Я совѣтую всякому путешествующему по Испаніи прочесть ее: бой съ быками получитъ для него особенный интересъ, именно интересъ искусства. Книга начинается историческимъ обозрѣніемъ этой забавы въ Испаніи и защитою ее отъ нападковъ иностранцевъ. Прежде бой съ быками былъ исключительною забавою в[illegible]аго дворянства, даже самъ Карлъ V убилъ копьемъ нѣсколько бы[illegible]овъ на празднествѣ, бывшемъ въ Вальядолидѣ, по случаю рожденія его сына Филиппа II. Всѣ прежніе короли Испаніи были страстными любителями этой забавы, въ числѣ матадоровъ находятся имена первыхъ испанскихъ фамилій. Это была дворянская забава, въ которую простой народъ немѣшался: онъ бывалъ только зрителемъ. Такъ продолжалось до возшествія на испанскій престолъ Бурбоновъ. Филиппъ V терпѣть немогъ боя съ бы-

ками; Карлъ III презиралъ людей, въ немъ участвующихъ и наконецъ вовсе запретилъ эту забаву. Но въ концѣ прошлаго вѣка она снова воскресла въ прежнемъ блескѣ и перешла уже отъ дворянства къ простому народу. Покойный Фердинандъ VII до того былъ страстенъ къ ней, что основалъ въ Севильѣ королевскую школу тавромахіи, въ которой — говоритъ мой авторъ — преподавалась какъ теорія, такъ и практика этого искусства самыми опытными профессорами *(par los mas esperimenta dos profesores)*. Теперь эта забава всеобщая, только гранды стыдятся выходить на арену, хотя въ одной изъ севильскихъ *corridos* нынѣшней весны и участвовалъ какой-то маркизъ. Школа тавромахіи и теперь еще существуетъ здѣсь и каждое утро осаждена толпою любителей и зрителей.

«*El torero* — говоритъ Монтесъ — долженъ имѣть отъ природы нѣкоторыя особенныя качества, которыя неочень часто встрѣчаются соединенными въ человѣкѣ. Условія, необходимыя для *torero*, суть: храбрость, легкость и совершенное знаніе своего дѣла. Два первыя родятся съ человѣкомъ, — послѣднее пріобрѣтается. Храбрость такъ необходима для *torero*, что безъ нея онъ никогда имъ небудетъ. Недолжно простирать эту храбрость до безразсудной отваги или тѣмъ болѣе трусливо уклоняться отъ ударовъ быка: въ обоихъ случаяхъ можетъ постигнуть несчастіе и даже смерть. Если *torero*, чтобы показать свою храбрость, станетъ дѣлать что-нибудь съ быкомъ, тогда какъ быкъ ненаходится *въ должномъ положеніи*, — покажетъ одно только безразсудство, незнаніе и случайно развѣ избѣгнетъ отъ удара роговъ. Равнымъ образомъ и тотъ, кто отъ робости упуститъ должную минуту представить быку капу (красную ткань) или неразочтетъ подхода быка, — какъ ни будетъ онъ легокъ на ноги, но подвергнется опасности получить ударъ роговъ (*cogida*), потому-что нужно *знаніе* для избѣжанія этого удара. Этого рода крайностей надобно особенно стараться избѣгать. Подъ словомъ храбрость разумѣю я такую, которая поддерживаетъ насъ передъ быкомъ въ той душевной ясности и спокойствіи, какъ бы его вовсе небыло передъ нами, — я разумѣю то настоящее *хладнокровіе*, которое дозволяетъ въ минуту опасности съ достовѣрностію размышлять о томъ, что̀ должно дѣлать съ животнымъ. Тотъ, кто владѣетъ такой храбростью, имѣетъ самое важное качество *torero* и пріобрѣтетъ легко всѣ другія. Онъ будетъ *играть* съ быками безъ малѣйшей опасности. Легкость также въ высшей степени необходима тому, кто хочетъ заниматься этимъ искусствомъ (*torear*). Но легкость *torero* не въ томъ, чтобъ быть въ безпрестанномъ движеніи, перебѣгать съ мѣста на мѣсто: это признаки дурного *torero*. Легкость, о которой говорю я, состоитъ въ томъ, чтобъ бѣгать скоро, прямо, съ величайшею

быстротою останавливаться и оборачиваться, измѣнять направленіе. *Torero* долженъ умѣть прыгать; но всего лучше узнается его легкость – въ движеніяхъ, въ уклоненіяхъ отъ удара роговъ на самомъ близкомъ разстояніи. Должно замѣтить касательно этого рода легкости, что владѣющій ею *torero* даже состарѣвшись можетъ играть съ быками, и между матадорами случались такіе, которые, имѣя болѣе 70 лѣтъ, но обладая быстротою движенія, убивали быковъ съ легкостію невѣроятною.»

Боясь наскучить вамъ дальнѣйшими выписками изъ книги Монтеса, я замѣчу только, что въ этомъ искусствѣ все расчитано, все предусмотрѣно: каждое положеніе быка, привычки, свойственныя породѣ, законы его движеній и мускуловъ. Монтесъ – разсказывалъ мнѣ здѣсь одинъ его близкій пріятель — смолоду долго посѣщалъ бойни быковъ, для изученія анатоміи этого животнаго, и безпрестанно водился съ горными пастухами для узнанія его характера. При знаніи движеній быка – говоритъ Монтесъ – опасность дѣлается ничтожною; правда, что на правильности движеній быка расчитано и все искусство *torero*, но иногда случаются быки, которые неподходятъ подъ эти общія правила, и тогда всякое такого рода исключеніе есть почти всегда – смерть человѣка. Недаромъ Монтесъ требуетъ отъ *torero* хладнокровія. Находчивость и хладнокровіе этихъ людей въ самыхъ крайныхъ опасностяхъ – поразительны. Монтесу случалось имѣть дѣло съ быками, которые вмѣсто *мулеты* бросались прямо на него, но никогда это небыло для него неожиданнымъ, потому-что всѣ движенія, которыя намѣревается дѣлать животное, можно видѣть въ глазахъ его, но иногда они были исполнены съ такою быстротою, что Монтесъ едва успѣвалъ поставить ногу между наклоненными рогами быка и перепрыгнуть ему черезъ голову, въ то самое мгновеніе, какъ быкъ хотѣлъ вскинуть его на рога. Часто думали зрители, что онъ дѣлаетъ это съ намѣреніемъ показать свою ловкость, но въ дѣйствительности это было единственное средство для спасенія своей жизни.

Немногіе изъ *toreros* доживаютъ до старости; если они неумираютъ въ циркѣ, на рогахъ у быка, то по причинѣ ранъ и сильныхъ ушибовъ принуждены рано отказываться отъ своего ремесла. Знаменитый въ свое время матадоръ Пепе Ильо получилъ въ жизнь свою 25 ударовъ роговъ, 26-й покончилъ его. При такой опасности плата матадору и его кадрили (*) за бѣгъ, т. е. за бой съ шестью или семью

(*) Каждый матадоръ подбираетъ себѣ своихъ пикадоровъ, бандерильеровъ и *chulos;* всѣ вмѣстѣ называются они кадрилью матадора. Бои съ быками даются администраціею городскихъ больницъ, но говорятъ, что она отъ этого не въ барышахъ, потому-что число больныхъ очень умножается послѣ каждаго боя.

быками, ничтожна: матадоръ получаетъ 1,000 реаловъ (250 р. асс.), пикадоръ 80 руб. асс., каждый бандарильеро по 50 руб. асс. Но въ томъ-то и дѣло, что деньги всего меньше входятъ въ разсчетъ этихъ людей. Матадоръ есть всегда матадоръ по страсти: Монтесъ, напримѣръ, неможетъ присутствовать при боѣ съ быками безъ того, чтобъ непринять въ немъ участія; а потомъ — энтузіазмъ тысячъ, рукоплесканія, слава, — вотъ что̀ заставляетъ ихъ безпрестанно рисковать своей жизнію. Но въ то же время циркъ непрощаетъ ничего ради этой славы, онъ бываетъ и мстителенъ, неумолимъ къ своимъ героямъ. Малѣйшій признакъ робости возбуждаетъ свистъ, насмѣшки; самыя грубыя остроты сыплются со всѣхъ сторонъ на матадора; говорятъ даже, что если робкая медленность матадора возбуждаетъ сильное негодованіе зрителей, то, по ихъ требованію, алгвазилъ заставляетъ матадора, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія, тотчасъ же напасть на быка. Самъ Монтесъ, слава и гордость Андалузіи, былъ страшно освистанъ и обруганъ въ Малагѣ, назадъ тому два года, за то, что убилъ быка не по *правилу;* этотъ быкъ при необыкновенной дикости, легкости и силѣ былъ самымъ *темнымъ* и *коварнымъ.* Монтесъ нанесъ ему ударъ въ голову, шпага коснулась мозга, и быкъ упалъ мгновенно, — ударъ, строго запрещенный законами тавромахіи. Зрители знать нехотѣли, что Монтесъ принужденъ былъ къ этому удару самою крайнею необходимостію; нѣтъ! свистъ и ругательство посыпались со всѣхъ сторонъ: — мясникъ, убійца, разбойникъ, каторжникъ, палачь! самое горячее участіе было къ убитому быку и все презрѣніе къ Монтесу.

При этихъ страшно потрясающихъ зрѣлищахъ присутствуютъ не одни мужчины, но и женщины, даже дѣти, вѣроятно вслѣдствіе привычки, — но зрѣлище крови, этотъ отвратительный видъ раненыхъ въ животъ лошадей, влачащихъ свои падающія внутренности, наконецъ эта томящая душу опасность матадора, кажется непроизводятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на чувствительность испанокъ. На ихъ прекрасныхъ лицахъ видно одно только страстное вниманіе; мнѣ разсказывали, что когда одинъ французъ при видѣ смертельно раненой лошади немогъ удержать жалобнаго восклицанія, — одна очень хорошенькая женщина, оборотясь, бросила на него презрительный взглядъ, прибавивъ: *corazon de manteca* (сердце изъ сливочнаго масла)!

Вотъ *corso de toros!* Простите, если вы въ описаніи моемъ ненайдете ничего новаго, ничего драматическаго: бой съ быками описанъ былъ столько разъ, что всѣ невидавшіе его имѣютъ о немъ уже ясное понятіе. Впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, поразительно, необыкновенно. Вѣрьте, ни одинъ актеръ, никакая драма немогутъ

дать и тѣни такого необычайнаго потрясенія, которое здѣсь овладѣваетъ душою и давитъ своею кровавою дѣйствительностію. Я хотѣлъ было закрыть глаза, чтобъ перевести духъ, — невозможно: въ этомъ зрѣлищѣ есть что-то магнетическое, обаятельное, противъ воли приковывающее къ себѣ глаза, и только тутъ можно понять разсказъ блаженнаго Августина о страсти друга его Алипа къ цирку римскихъ гладіаторовъ. Алипъ, по совѣтамъ Августина, давно пересталъ посѣщать эти кровавыя зрѣлища, но разъ товарищи насильно увлекли его. Алипъ немогъ отклониться, но рѣшился присутствовать въ циркѣ съ закрытыми глазами. «О еслибъ онъ зажалъ себѣ уши! — говоритъ «блаж. Августинъ — потому-что во время одного боя, потрясенный «внезапнымъ восклицаніемъ всего народа, онъ, забывшись, от«крылъ глаза: въ эту минуту одинъ изъ гладіаторовъ получалъ смер«тельную рану. Только что Алипъ увидалъ текущую кровь, нена«сытная жадность крови овладѣла имъ; онъ не въ силахъ былъ уже «снова закрыть своихъ глазъ, устремивъ ихъ въ циркъ, такъ ска«зать, медленно впивая въ себя, самъ незамѣчая того, бѣшенство и «жестокость, наслаждаясь этими ужасными играми и опьяняясь «этимъ кровавымъ сладострастіемъ.... (*)».

Видъ самого цирка, эти тысячи головъ, волнующихся, какъ море, эти страстныя движенія, эти крики, рукоплесканія, свистъ, — все это живо, одушевлено, величаво, напоминаетъ объ играхъ римскаго цирка. Въ самомъ дѣлѣ трудно предположить, чтобы мавры съ своими рыцарственными, утонченными нравами могли завѣщать Испаніи эти дикія игры; скорѣе — это темное преданіе, оставшееся въ Испаніи отъ римскаго цирка. Эта кровавая забава, въ которой человѣкъ играетъ своею жизнію, это равнодушіе толпы къ гладіатору, котораго она за минуту осыпала восторженными рукоплесканіями, этотъ энтузіазмъ толпы къ бѣшеному животному и холодность къ раненому человѣку, — развѣ это не римское, не языческое? А христіанскій священникъ, приходящій съ дарами присутствовать при этихъ варварскихъ забавахъ, которые онъ несмѣетъ осудить, которые онъ, такъ сказать, освящаетъ своимъ присутствіемъ, — не пришелъ ли онъ сюда затѣмъ, чтобъ свидѣтельствовать, какъ законъ милосердія и любви безсиленъ еще надъ дикими инстинктами этого энергическаго и благороднаго племени, великолѣпнаго и кровожаднаго, изящнаго и еще столь глубоко варварскаго.

(*) *Исповѣдь бл. Августина, глава VIII, книга VI.*

В. БОТКИНЪ.